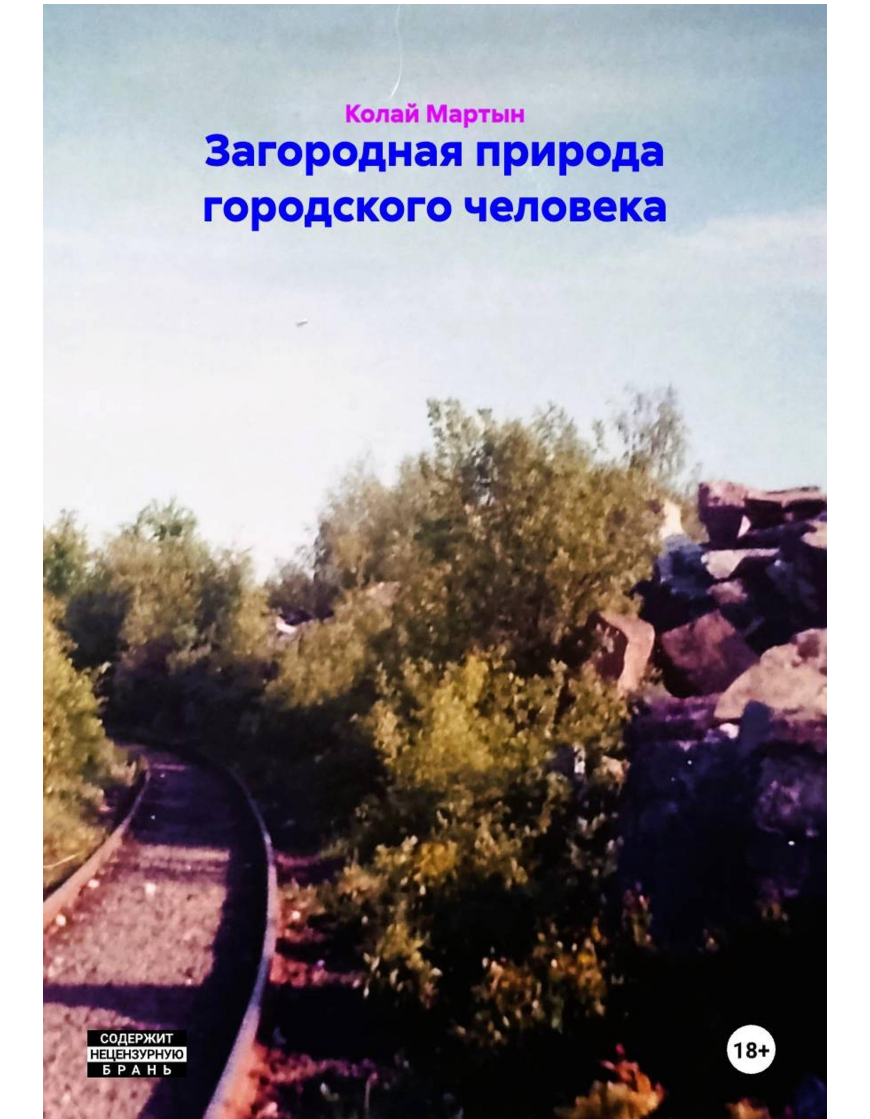

Колай Мартын

Загородная природа городского человека

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Колай Мартын

Загородная природа

городского человека

<https://litres.ru/74022148>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о двух мужиках, Дед, пенсионер, и его внук, пауэрлифтер, о поездке Деда и его внука на дачу на старом, разваливающимся автомобиле "ГАЗ - 24" и о трёх днях их жизни на даче.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	75
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Загородная природа городского человека

Глава 1.

Наша загородная, естественная природа для городского человека может быть настоящей напастью: густой лес с непроходимым кустарником и бурелом, и неведь откуда взявшийся дождь, и тянущееся, тянущееся вёдро.

Если в лесу городской человек найдёт какое-никакое пропитание, то в поле, в чистом поле, где одни кузнечики и клевер, городскому человеку никуда не деться.

Наша естественная природа, даже в изменённых условиях дачного участка, выпирает, иногда, углом.

Городской человек, с рюкзаком, набитым консервами и крупами, оставшись в поле, присев отдохнуть и перекусить, может обнаружить, что забыл какую-то важную, жизненно необходимую вещь.

Любую вещь. Что Вы считаете жизненно необходимой вещью в туристическом походе? Вот, именно эту вещь и может забыть городской человек. Потому, что в городе он этой вещью не пользуется или пользуется очень редко и знает, что эта вещь лежит в третьем ящике кухонной тумбы.

Городской человек может есть кузнечиков сырыми. Го-

родской человек может найти сыроежек. Городской человек может пожевать клевера или пырея и выжить.

Что городской человек может забыть, отправляясь на дачу?

Трудно выбрать. Городской человек везёт с собой на дачу несколько сумок, несколько коробок, несколько полиэтиленовых пакетов, набитых множеством разных вещей. На даче всегда можно найти прошлогодние продукты: крупу в шкафу, консервы и варение в подполе, спички на веранде. Городской человек насобирает сухих веток в саду или в лесу, разведёт костёр, разогреет прошлогодние консервы.

Городской человек даже и в мыслях не держит, что без этой вещи на даче может быть хуже, чем в чистом поле.

Городской человек, за несколько недель до отъезда, напишет список необходимых продуктов и предметов, среди которых обязательно будут несколько предметов не нужных и безтолковых, с точки зрения родственников. Названия самых необходимых вещей городской человек напишет первыми.

Но название самой нужной, самой необходимой вещи, городской человек даже не внесёт в список и забудет городской человек не эти, безтолковые железные гири, не эти финтифлюшки из женских причиндалов, а самую нужную вещь.

Городской человек за несколько недель до отъезда начинает собирать предметы, названия которых внесены в список, складывать предметы в прихожей или на балконе, отме-

чать в списке плюсами или галочками приготовленные вещи или вычеркнет название приготовленной вещи.

Городской человек будет вынимать из мешка приготовленные предметы, чтобы сделать что-то в квартире, снова внесёт в список название предмета, снова отметит вычёркиванием, и снова положит в мешок, расшвыривая по балкону эти безтолковые финтифлюшки, брошенные самым неудобным способом поверх приготовленных инструментов, книг, пакетов с крупами, банок с краской и пакетов с семенами.

Перед отъездом, городской человек проверит по списку приготовленные вещи, обязательно добавит несколько предметов, которые с прошлого лета складывал в стенном шкафу, потому, что на даче, положенные в сарай или на чердак, эти вещи лежат себе месяц, два месяца, до осени, до лета и, ан нет, да и понадобится что-то.

Вещь, которую Вы считаете самой необходимой и жизненно важной, обязательно кто-то вытащит из мешка или из коробки, не предупредит об этом и положит в кухонную тумбу, в третий ящик, на её привычное место.

И, отмеченная в списке как приготовленная, эта вещь останется дома, потому, что городской человек точно помнит, что положил эту вещь в картонную коробку с банками консервов, что, когда проверял по списку, переложил эту вещь в коробку с банками с краской, саморезами, гвоздями и мотками проволоки.

Последняя неделя перед отъездом на дачу оказывается на-

полненной срочными делами, которые городскому человеку необходимо сделать и после этих дел появляются новые предметы, которые необходимо отвезти на дачу.

Прокоп складывал эти вещи на балконе, и к приезду Деда наполнил картонную коробку садовым инвентарём, оставшимся после Бабули, набил пустыми стеклянными банками разной емкости три мешка, черенки от лопат, лопата и грабли стояли в углу балкона, в прихожей, перед галошницей стояли гири.

Прокоп с Дедом договорились, что Дед приедет сегодня, в четверг, утром и они поедут на кладбище, проведая Бабулину могилу, затем погрузят инвентарь и гири в автомобиль Деда и завтра в пятницу, утром, Прокоп приедет к Деду.

Весенние, солнечные дни, не отягощённые листьями на деревьях, цветами, не отягощённые насекомыми и прилетевшими птицами, прозрачным, чистым, прохладным воздухом просачивались внутрь, невидимым и влюблённым холодным светом проявляли внутри, не то тела, тонкие, хрупкие, мутные, чёткие контуры образов, с которыми сжился, к которым привык за столько лет, которые, если и не полюбил, то притёр к своим внутренностям. Холодный свет обволакивал контуры прохладным, приятным пространством, отделяя один от другого, и в весенние, солнечные дни становилось от этого свободней и легче.

Весенним утром не хочется спать. Образы, разделённые воздухом чистым, ещё не замутненным не смогом с пылью,

не пылью, не отношениями, образы плоские, тонкие, хрупкие, парившие самородными вихрями внутри объёма в вязкой, невидимой жидкости, казалось прилипшие друг к другу, намявшие друг другу пролежни за несколько зимних месяцев тесной жизни, вынужденные делить крохотное, свободное пространство, замутняемое самородным снегом, выпадавшим из оберегаемых, тёмных чуланчиков памяти воспоминаниями о весенних, чистых, солнечных днях, образы оттаивали, словно морозилки, освобождали между голыми тенями своих чуланчиков место, где мы могли бы, спрятавшись от посторонних глаз, вздохнуть дрогнувшей грудью, проглотить холодную слюну, рассматривая поизносившиеся, пошедшие тонкими короткими веточками края контуров привычных образов. Оказавшись внутри воздуха, просочившегося весной внутрь чуланчика и раздвинувшего образы, воздуха, сжавшего образы, воздуха, отодвинувшего, не двигая не в одну из сторон, контуры привычных, притёртых друг к другу теней внутри бесконечного пространства, заставленного нашими мнениями, забытыми и новыми, воздуха, раздвинувшего ограниченный неизвестно чем объём пятьдесят второго размера, оказавшись внутри воздуха, прогуливаясь по подмосковным лесам или пригородным паркам, набредаешь на металлические прутья оград, безтолково понатыканных внутри бесконечного воздуха, оград обозначающих контуры наших чуланчиков с оберегаемой нами памятью о светлых, весенних днях, оград, понатыканных между воздуш-

ных образов, не обремененных ещё листьями и птицами. Деревья пустили корни внутри прямоугольника, обозначенного металлическими прутьями, и молодняк повылазил в углах ограды и у памятника, чуть ли не на самой могиле. Трава, так трава, не признаёт никаких границ, наполняет бесконечный воздух стеблями и листьями, выталкивая воздух из пространства между образами. Вечером, посидев за столом, оставив внутри ограды на столе яйца, хлеб и конфеты, не надышавшись, напихивая в тесные лёгкие чистый, бесконечный воздух, уходим с участка земли, обозначенного прутьями металлической ограды, уносим тщательно оберегаемый чуланчик пространства, обозначенный внутри бесконечного воздуха привычными контурами живого тела.

Внутренние органы, привыкшие за зиму к давлению и тесноте, словно взлетевшие к границе атмосферы, раздувались, стремились занять всё свободное пространство. От этого кости трещали, рёбра разрывали бока, голова лопалась от увеличившегося мозга, и Дед пролежал всё утро, отключив телефоны.

Дед обещал приехать рано утром и всё утро Прокоп сидел на балконе. Хотелось сходить на Канал, но после вчерашней тренировки не было сил пошевелиться, надо было ждать Деда, и Прокоп наблюдал за воробьями, прилетавшими на балкон, крошил воробьям остатки каши из миски, наблюдал за людьми во дворе дома, загорал. Часов в одиннадцать выпил чаю.

По Каналу шла баржа, эхо от проходившей баржи прижималось к соседнему дому, верхушка мачты проплыла среди светло-салатовых крон деревьев, стоящих на берегу Канала.

Звонил Деду. Дед не отвечал.

Бабуля позвонила, когда Прокоп собирался обедать. Бабуля сказала, что Дед всё утро пролежал на кровати, что собирается ехать после обеда. Бабуля передала трубку Деду. Дед сказал, что чувствует себя лучше, что после обеда придет. Прокоп отговаривал Деда от поездки, говорил, что лучше отдохнуть до завтрашнего утра, что кольцо уже стоит. Но Дед не слушал, и сказал, что в субботу, в обед все попрутся на дачу, и мы будем тащиться всю дорогу, дрович сцепление и жечь колодки, чтобы не поцеловать чью-то жопу, что, если кольцо не встанет, он придет часа через два.

Вы, наверное, проанализировали содержимое коробок, которые Прокоп приготовил к приезду Деда. Вещь, которая лежит в третьем ящике кухонной тумбы, лежит в квартире Деда. В квартире Прокопа эта вещь лежит на верхней полке стенного шкафа, и Прокоп её с собой никуда не берёт. Не у Прокопа, не у Деда и в мыслях не было, что без этой вещи жизнь на даче станет катастрофой.

Катастрофой, почти, как в интернете, - земля проваливалась, тайфуны разрушали Америку, цунами и ливни затопляли островные государства и Европу, лесные пожары вместе с засухами прогоняли людей с освоенных земель. Автомобили, уткнувшись друг другу в задние бампера, стояли в

пробках после очередного провала асфальтированной дороги, промышленные и жилые здания рушились в подземные бездны, водители задыхались от смога, дикие животные спасались на одной крыше затопленного дома вместе с людьми, на Землю падали астероиды. Астероиды падали, грохоча и взрываясь, сгорали в воздухе, рассыпались на мелкие горящие осколки, бились в Землю, разрушая города. Астероиды сгорали над Сибирью, высоко в воздухе над Америкой. Астероиды, шипя и смеясь, отплёвываясь мелкими камушками, пролетали сквозь тонкий слой атмосферы, сгоревшей над Полюсами в озоновых дырах, и разбивали горящими телами лёд, стараясь пробиться в подземный мир сквозь входы, закрытые толстым слоем льда, из-под которого текла вода тонкими, неглубокими ручьями. Лёд ломался, грохоча, звеня. Льдины с металлическим грохотом, словно железные двери, налетали друг на друга, а в небе над Полюсами светились-переливались зелёными всполохами северного сияния дымные следы упавших астероидов.

Дед звонил, бил в дверь ногами и клюкой.

Прокоп стоял перед дверью, не мог просунуть ногу в штанину.

- Подожди секунду!

Дед продолжал бить в дверь, когда Прокоп повернул ключ в замке. Дед продолжал бить в дверь, когда Прокоп, придерживая рукой расстёгнутые джинсы, приоткрыл дверь, чтобы не толкнуть дверью Деда.

Дед рванул дверь на себя. Прокоп отскочил от дверного проёма.

Дед, хромая на одну ногу, мокрый, с красным лицом, с выпученными глазами, увеличенными стёклами очков, влетел в квартиру.

- Что спишь! Я чуть не обоссался! А он спит!

Дед повесил на ручку ванной клюку, заперся в туалете.

Прокоп поставил чайник.

Дед вышел из ванной в рубашке, застёгнутой на все пуговицы, промытые под краном очки с чистыми стёклами. Дед, хромая на одну ногу, прошёл на кухню, сел за стол, спиной к буфету, раскидал по столу ложки, пустую миску. Ложки гремели, бились друг о друга, миска звякала, билась о нож.

Солнечные блики срывались с металлической посуды, метались по стенам и потолку.

- Ну и дорога, - прохрипел Дед.

- Чаю выпьешь?

- Нет.

- Воды налить?

- Нет. Дед положил на стол дрожавшие руки, упёрся в столешницу локтями, смотрел на дрожавшие кисти рук, на переплетённые пальцы. - Уничтожил бы всех, - сказал Дед страшным, хриплым, животным, влюблённым голосом.

Сверкающая в Солнце металлическая миска, сверкающие ложки, нож с треснувшей деревянной ручкой, супница дымчатого стекла, дрожавшие руки Деда, отбрасывали тени на

сосновую столешницу.

- Одевайся, едем на кладбище.

- Может, не поедем? Сейчас народ возвращается с работы. Чаю выпьем, посидим, вечером поедешь домой. Или переночуешь.

- Нет. Мать волноваться будет.

Прокоп надел рубашку, кроссовки, стоял в прихожей.

Дед смотрел в окно во двор.

- Окна, когда помоешь?

- Окна не трогаю. Принципиально.

Дед встал, опирался на стол руками, вышел из-за стола, шёл на Прокопа, наклонил голову вперёд, склонил голову к плечу, смотрел из подлобья, поверх очков, хромал на одну ногу, схватил свою клюку, висевшую на ручке двери ванной.

- Тоже мне, принципы у него.

Дед отодвинул Прокопа плечом.

- Инструмент где? Давай, бери инструмент, выноси.

Дед вышел из квартиры, вызвал лифт.

Прокоп прошёл на балкон.

Воробьи весело орали на лету, вылетали из углов балкона, заставленных старой мебелью.

Прокоп взял коробку с садовым инструментом, оставшимся от Бабули, вышел из квартиры, запер замок, с коробкой в руках шёл по лестнице вниз.

Дед стоял у открытого багажника избитой, исцарапанной двадцатьчетвёрки, старательно распахивал вещи по углам

багажника.

Прокоп поставил коробку на свободное место.

- Лопату с граблями мог бы и не таскать. Здесь же есть, от Бабули остались.

Дед захлопнул крышку багажника.

- Едем.

В автомобиле Дед повеселел, усаживался, бил ладонями по рулю, проверил зеркала, залез в бардачок, давил на педали, вытащил из-под ручника пол-литровую бутылку с водой.

- Во, с витаминами. Дед отхлебнул из бутылки. – Хочешь?

- Нет.

Дед бросил бутылку на приборную доску, достал из кармана брюк полторакилограммовую связку ключей, звенел ключами, косился на Прокопа.

- Этот от квартиры, этот от дома, этот от калитки, этот от сарая, этот от комнаты в доме, этот от машины, этот от багажника, эти от старой машины, эти от «Оки». Дед, не глядя на Прокопа, показывал ключи. Дед нашел ключ от замка зажигания, вставил ключ в замок.

- Никак зажигание неотрегулирую. Ну, - Дед повернул голову к Прокопу, прижал подбородок к плечу, смотрел поверх очков, вздохнул, - поехали.

Стартёр шикнул, словно провёл по ремню лезвием натачиваемой опасной бритвы, двигатель проскрежетал, несколько раз надрывно взвыл, из выхлопной трубы вырвалось облако чёрного дыма. Грохот, взрывной вначале, утих

до тихого рёва. Дед включил первую скорость, нажал на педаль газа, и двадцатьчетвёрка плавно поехала вперёд, вдоль иномарок, припаркованных на тротуаре.

Пригородная человеческая природа, хранимая жителями пригородов, урбанизируется вместе с застроенными пустырями. Детская мечта о жизни на необитаемом, но благоустроенном острове, в полуоткрытом смешанном множестве городских условий и природной свободы, заставленная новыми домами, детская мечта заставляет городского человека стремиться дальше, ещё дальше, в соседние области и, даже, дальше, в дальние северные области, в заброшенные деревни, в которых городской человек строит благоустроенные дома и приезжает летом на месяц, зимой на Рождество, весной на майские праздники.

Если Вы, Читатель, знаете, где находится Старо-Марковское кладбище, если Вы, Читатель, когда-нибудь проезжали по Долгопрудному, то можете себе представить дорогу на Старо-Марковское кладбище из Долгопрудного через Лихачёвский проезд.

По сторонам шоссе новостройки Нового бульвара, промзона, коттеджный посёлок, остатки деревни, недостроенное шоссе, купола Храма Святого Георгия Победоносца над высокими, густыми кронами деревьев, а над свалкой, над кронами кладбищеских деревьев, над куполами, над промзоной, висела громадная стая ворон. Птицы, молча, летали по кругу, и стая двигалась в направлении Старо-Марковского клад-

бища. Иногда из стаи вылетали одна, две или группа птиц и летели в разные стороны.

Апрельское небо прохладно. Апрельская земля холодна. Автомобили дышат друг другу в радиаторы. Апрельский ветер, бездумный и непринуждённый, уносит смог в город. Большое Солнце висит в небе над углом четвёртого дома. В половину пятого вечера движения тел легки и быстры. Горячей резиной шин раскалённые автомобили прижались к продавленному асфальту.

Деревня, в которой городской человек купил дом, бережёт его детскую мечту и городской человек торопится в свой загородный дом, и автомобили, надышавшиеся угарного газа, теряют чувство дистанции.

Двухэтажные коттеджи, построенные вдоль Лихачёвского шоссе, перед лесом, стоят пустые. Жёлтые, светло-коричневые, словно из деталей детского конструктора. Зелёная шумоподавляющая стена перед коттеджами чиста. Иномарка стоит перед шлагбаумом, перекрывшим въезд на территорию коттеджей. Копают, никто не помнит сколько лет. Лихачёвское шоссе расширяют. Мужики, по участкам которых прокладывают шоссе, не сдаются. Новые квартиры дают, а землю выкупают по госрасценкам. От той стороны участка могли бы землю прирезать людям. Пристройки перенесли бы, освободили бы землю для шоссе. Резать людям приходится по живому, нажитое бросать. Свой второй дом, если есть где у кого, те, может, всё туда перевезли.

Та вещь, без которой жизнь на даче становится катастрофой, та вещь, которую перекаладывают из одного ящика в шкаф, из шкафа на антресоль, та вещь, в городской жизни не нужная, остаётся в брошенных деревенских домах, смешивается тракторами с битым кирпичом и щепой разбитых брёвен. Удобренная земля, оставшаяся после садов и огородов, разбавленная строительным мусором, семенами корнеплодов и не проклюнувшимися яблоневыми косточками, с полынью и лопухами, тысячелистником и пижмой, плодородная земля сдирается с глины, собирается в кучи и вывозиться на переработку. Худая, голая, светло-коричневая глина, сочащаяся по утрам росой, разравнивается под полотно шоссе, под строительство новых двухэтажных коттеджей.

- Давно я здесь не был. Всё застроили. Лётного поля не стало, картофельные поля Помнишь, где мы с Бабулей огород копали? Дед наклонился вперёд всем телом, лёг грудью на руль, повернул голову направо, всматривался в коттеджи.

- За этим коттеджем. От канавы почти ничего не осталось. Нора в склоне канавы цела, которую ты копал для бидона.

Дед удивлённо взглянул на Прокопа, посмотрел в зеркало заднего вида.

- Я здесь когда-то на мотоцикле гонял

Дед остановил машину. На перекрёстке, напротив Лихачёвского проезда стояла фура, выезжавшая на Лихачи, перегородила четыре полосы шоссе.

- Недавно поцеловались. Сюда свободно проехал.

Перед передними колёсами прицепа асфальт был усыпан разбитыми кусками фонарей, кусками подкрылков. Иномарка с выдавленным лобовым стеклом, приткнулась помятым капотом к ногам водителя в метре от колёс фуры.

Природа городского человека, отличная от свободного самовыражения, проявляет свои стремления в форме архитектурных построек, в планировке городских улиц. Городская легенда говорит о том, что планировали и закладывали строительство храма Святого Григория Победоносца на деньги местных авторитетов. Храм планировали построить в виде ракеты «Союз», с четырьмя пределами в форме топливных баков. Авторитеты успели построить главное здание. Храм достраивался в классическом стиле, на деньги прихода и пожертвования, поэтому пределы проектировали и строили, кто, во что горазд, и получилось то, что городской человек считает свободой самовыражения.

Настроение городского человека, адаптированного к жизни в урбанизированном городе, улучшается, если городской человек успел к самому началу новой автомобильной пробки, когда перед ним всего несколько автомобилей и минут через десять он уже едет своей дорогой по Лихачёвскому проезду.

Солнце светило в зеркало заднего вида, в открытое окно влетал прохладный апрельский воздух. Остались позади иномарка, фура и Солнце, опустившееся, словно для того, чтобы попробовать на остроту края разноцветных пластмас-

совых осколков, залетевших под фуру.

Природа городского человека, воспитанного в строгости правил дорожного движения, словно старается освободить место для детской мечты, живущей в деревенском доме, купленном городским человеком в нескольких километрах от города, в стороне от основных дорог, природа городского человека, вырвавшись на свободное, немного выгнутое полотно Лихачёвского проезда, стремясь вырваться в зеленоватые кроны деревьев Долгопрудненского кладбища и в зелёные кроны остатков леса вдоль промзоны, за границы недоказанных постулатов, принятых аксиоматично, природа городского человека рвётся из него, тащит его за собой и городской человек, чтобы сохранить свою природу внутри своего тела, нажимает на педаль газа.

Автомобиль, увлекая за собой некоторое количество эфира, создаёт энергичность, которая незаметна на фоне разницы скоростей Галактики, Солнечной системы и Земли, но бывает достаточной, чтобы разбить свой нос о приборную доску и капот своего автомобиля о задний бампер автомобиля, остановившегося в пробке на Новодачном железнодорожном переезде.

Электрички двигались в неизвестном направлении, относительно направления полёта Солнечной системы, автомобили, стоявшие у переезда, двигались в направлении полёта Солнечной системы, птицы и самолёты летали в воздухе по хаотичным траекториям, автомобили и поезда ездили по до-

рогам, проложенным по поверхности Планеты во все стороны сразу, некоторая масса вещества хаотично перемещалась по поверхности Планеты, не влияя на течение времени. Рыбы и корабли, легковесные и свободолюбивые, не обращали внимания на направление движения Солнечной системы в Космосе.

Если бы все автомобили и все электрички поехали одновременно в одну сторону, в сторону движения Солнечной системы в Космосе, то могли бы ускорить течение времени.

Автомобили, подъезжавшие к железнодорожному переезду, проезжали мимо здания поста ГАИ, закручивали вихрь вокруг кирпичного здания поста ГАИ, но, вероятно, вихрь закручивался в сторону, противоположную течению времени и время у переезда, словно, остановилось.

Пыльная, грязная, выцветшая из-за выхлопных газов остановка, ларьки с закопчёнными окнами, деревья с ветвями и листьями, отравленными выхлопными газами, засыхающими в середине лета. За прилавками базара, по пути к долгопрудненскому кладбищу, сидят продавцы искусственных цветов, окружили себя искусственными цветами. Яркие, пластмассовые цвета искусственных цветов расплывались в солнечном цвете, смешивались, теряли чёткие контуры, словно во сне городского человека. За двадцать лет ничего не изменилось. Даже чёрный, лохматый пёс, живший на крыльце кирпичной будки стрелочника, кажется, один и тот же. Течение времени можно было заметить только по но-

вым выщерблинам, оставленных автомобилями на углах поста ГАИ.

Городской человек, остановившись в пробке и наблюдая окружающий мир, приходил к выводу, что то, что он видит настолько далеко от его детской мечты, настолько не похоже на его мечту, что, если городской человек стоял в пробке дольше десяти минут, его городская природа начинала вырываться из него наружу, в мир, исковерканный неизвестно кем и неизвестно чем, чтобы исправить этот мир, чтобы приблизить окружающий мир к его детской мечте. И на углах кирпичного здания поста ГАИ появлялись новые сколы, с неба начинали падать астероиды и метеориты, а водители, сидящие в автомобилях, стоящих рядом с автомобилем городского человека, поднимали стёкла в окнах, сберегая приятную прохладу прокондиционированного воздуха внутри своего автомобиля, так органично сочетающегося с его детской мечтой. Природа городского человека, образованного в средних школах и в институтах, прятавшего за правильные во время написания сочинений на свободную тему и рефератов слова о своей мечте, подбирающего слова, чтобы любопытный преподаватель не мог потянуть за какое-нибудь слово и вытянуть из городского человека что-то, что могло и не считаться тайной, природа городского человека прятала его детскую мечту глубоко внутрь организма, среди плоских теней, выставивших локти и охранявших новые чистые пространства, появившиеся солнечными весенними днями.

Дед сигналил, бил кулаком по кнопке сигнала, высунулся в открытое окно.

- Ну, ты, что стоишь? Что ты жопу чешешь? Дед кричал, сигналил, давил на педаль тормоза.

Автомобиль, стоявший впереди нас, не двигался. Сквозь тонированное заднее стекло был виден только контур головы водителя.

Автомобили, стоявшие позади нас, сигналили, газовали, водители высовывались из окон и орали, перекрикивая сигналы.

- Бля-а-адь! Мудаки грёбанные! Дед поставил автомобиль на ручник, схватил свою клюку, глянул в зеркало заднего вида, поправил очки, распахнул дверь, выскочил из автомобиля, прихрамывая, подбежал к впереди стоящей иномарке, замахивался своей клюкой, словно собирался перебить стёкла в автомобиле, но не ударил, остановился у передней двери, кулаком несколько раз ударил по стеклу.

Иномарка, стоявшая позади нас, обошла Деда по левой стороне шоссе, пересекла двойную сплошную, проехала через переезд.

- Хули встал, мудила! Дед рвал ручку двери. - Я тебя шас вытрясу из твоей банки, узнаешь правила! Дед бил ногой по переднему колесу.

Иномарка рывками стронулась с места. Дед, мокрый от пота, побежал, прихрамывая, к своему автомобилю, снял на ходу очки, всё-таки стукнул своей клюкой по багажнику ино-

марки.

- Аккумулятор у мудака сел! С разряженным аккумулятором мудака ездит по Москве!

Дед снял очки, сжал зубами душку очков, бросил клюку на заднее сидение, снял автомобиль с ручника, схватил связку ключей, висевшую на замке зажигания, смял в кулаке. Ключи хрустнули. Дед включил зажигание, врубил вторую скорость, сощурил глаза, прижался грудью к рулю, рванул с места.

Шлагбаум опустился за «Волгой».

Стая ворон кружилась над «Марком», над марковским мостом.

В Москве есть места, память о которые городской человек хранит, словно царапину в подмышке, полученную во время свидания с любовницей, - заболоченные поймы речек, пустыри, болотца, заросшие камышом и осокой, овраги, ставшие свалками, но сохранённые в памяти городского человека таинственными, чистыми, словно ключ к воротам его детской мечты.

Заболотье не было таким местом. В памяти Деда Заболотье сохранилось, скорее всего, в виде огромной стаи чаек, гнездящихся в заболоченной пойме реки Бусинки и несколькими заброшенными домами, покосившимися оградами, зарослями камыша вдоль дороги, по берегу болота.

Дед на второй скорости, вцепившись в руль, нависнув над рулём своим массивным телом, вписался в поворот, проле-

тел поворот у автомастерских, вышел на Долгопрудненского шоссе, вытер рукавом рубашки лицо, одной рукой протёр стёкла очков, закрыл очками лицо.

Вечерний, но, всё такой же, свежий и утренний, влажный апрельский воздух врывается в салон автомобиля, прохладным, упругим дельфиньим боком скользил по стороне лица, лез прохладным языком в ухо, под веко глаза, в ноздрю, поворачивал голову налево, к новостройкам, стоящим вдоль Дмитровского шоссе, отражавших апельсиновый свет закатывающего Солнца.

- Глянь-ка, понастроили! А я-то думаю, май уже, а чаек нет!

Природа городского человека, свежая, угловатая и безкомпромиссная, вырывалась время от времени из кого-нибудь горожанина и металась над Москвой белой чайкой в поисках потерянного, осушенного, тесного, мелковатого, заросшего густой травой, душного, неуклюжего, но такого родного чуланчика, металась, заставляя горожан перестраивать окружающий мир, выражать свою природу в новых зданиях, дорогах и дорожных разъездах.

Дед остановился перед светофором, оставил руку на рычаге коробки передач, повернув голову, смотрел мимо меня. Чайкой, летевшей вдали, уменьшенной до чёрной точки, решившей присмотреться к пойме Бусины, зрачки дрожали в синих выцветших глазах Деда, сверкавших за прозрачными стёклами, отражавшими апельсиновый свет Солнца.

- Заболотье осушили. Чайки, где теперь гнездятся? Дед смотрел на Прокопа.

Прокоп пожал плечами.

- А там что? Это дорога куда?

- Дмитровский дублёр. Продолжение Окружного проезда, там идёт по новому микрорайону, вокруг Северного и возвращается в шоссе.

- Не узнаю. Это что?

- Оптовый магазин.

- Это что за модули?

- Развязку строят.

- Сам вижу! Не узнаю. Где разворот, где что?

Дед переключил скорость, крутил головой, отъезжая от светофора, растянул губы, словно улыбался, не показывая зубов, крутил руль, выставив локти, повернул к шоссе.

В метаниях и поисках природа городского человека теряла свою неповторимость, исхлётанная ветвями деревьев и крыльями птиц, истёртая о прибрежный песок и осоку волнами равнинных рек, вымотанная ветрами и ледяной изморозью, городская природа человека сливалась с естественным окружением городов, покрытая рубцами, шрамами и синяками, выжившая, но отличающаяся от окружающего мира чем-то, что позволяло городскому человеку увидеть свою природу где-то в стороне от своего пути, словно звезду одиннадцатой величины в тёмном, густом, бездонном Космосе. И городской человек в своём загородном доме строил свою

жизнь так, чтобы эта звезда, если и не приближалась, то загоралась весной всякий раз, когда городской человек выезжал за город.

Дед притормозил перед Дмитровским шоссе, сидел, выпрямив спину, крутил головой, сужив глаза.

Здесь звучит классическая музыка диско.

- Здесь разворот был! - Дед ткнул пальцем в стройку. - Это, что же, через кольцо разворачиваться!

Дед и Прокоп проехали под пешеходным мостом через Дмитровское шоссе, что сразу за автобусной остановкой.

Нюансы, возникающие в жизни городского человека, созданные метаниями его природы, нюансы, шипящие и гудящие вокруг городского человека пузырьками газированной воды, метания, размывающие отличия, контрастирующие друг с другом и с естественным пейзажем, невидимым за воплощёнными в бетоне и в стали метаниями природы городского человека, в жизни городского человека нюансы, возникающие неожиданно, часто отличные от формы образов, живущих в чуланчике и стремящиеся откорректировать привычную для городского человека форму образов, нюансы научили городского человека не обращать на них внимания, словно на чью-то внутреннюю природу, шатающуюся по улицам города.

Нюансы приучили городского человека, воспитанного в строгости правил уличного движения, чувствовать малейшее движение воздуха, малейшее движение звёзд, малейшее

движение мглы внутри своего чуланчика, нюансы научили городского человека радоваться нюансам, научили радоваться тому, что для городского человека стало непреодолимыми обстоятельствами и присутствует в жизни, не обращая внимания на метания нескладной или утончённо природы городского человека.

Городской человек, когда въезжает в город из области, где домов и автомобилей значительно меньше, где ветер и Солнце радуют городского человека своим величием и уживчивостью, городской человек, подъезжая к МКАДу, радуется тому, что ветер разгоняет над шоссе смог, что воздух над шоссе ещё не замер, убитый смогом, и что Солнце не жжёт кожу, раздражённую смогом.

Здесь смолкает классическая музыка диско.

Дед вытянул губы, держал губы трубочкой несколько секунд, растянул губы, показал крепкие зубы.

- Шта шта шттай шттайле. Красивая. Здесь была автобаза.

- Автобаза за гостиницей.

Дед посмотрел на Прокопа.

- Мой друг работал на этой автобазе. Царство ему Небесное. На Долгопрудненском похоронили.

Прокопа сорвало с кресла, бросило на приборную панель, ремень врезался в грудь.

Дед ударил кулаком по кнопке сигнала.

- Куда, сучёнок! Понастроили, перекопали, денег у всех, а жопу подставляют, как и раньше! Буржую, ведь, не объяс-

нить, - Дед тыкал пальцем в лобовое стекло, - что правила для всех, что даже за все его деньги ему новые мозги не вставят. Дед схватился за руль. - Буржую, ведь, эти машины Одну разобьёт, другую купит, а мне со своей ебаться.

Городской человек, воспитанный для короткой, скоростной жизни, сжатой нюансами, возникшими до рождения и возникающими при жизни городского человека, воспитанный в строгости правил дорожного движения, городской человек никогда не превысит скорость. Городской человек не превысит скорость не потому, что не умеет управлять автомобилем в критических ситуациях, не потому, что продавленное до глубокой колеи шоссе опрокинет автомобиль забывшегося горожанина. Природа городского человека, вырывающаяся из его неподготовленного к перегрузкам тела, может вырваться на волю в самый неподходящий момент и городской человек, сломя голову, может броситься вдогонку за своей природой.

И пассажиры проезжающего троллейбуса, вскрикнув, взвизгнув, охнув, отскочив от окон в глубину салона, бросятся к окнам левого борта, в надежде увидеть повтор происшествия.

Иномарка, выбитая из колеи и брошенная на железобетонный отбойник, стоящий между полос Проспекта Мира, проехав на крыше несколько метров, встала поперёк проспекта, перегородив дорогу троллейбусу.

Пассажиры вышли из троллейбуса, постояли на тротуаре,

наблюдая за пассажирами иномарки, вылезающими из салона автомобиля живыми и здоровыми, только перепуганными, и пошли пешком к трамвайной остановке.

- А прицеп как шёл, так и шёл. Водила даже не тормознул, даже в зеркало не глянул, так и уехал, даже ГАИ не нашли.

Дед, расставив локти, крутил руль, вписался в поворот на разъезде МКАДа.

- А тогда, ведь, и поворотов таких не было. Друг мой газу добавил, вошёл, вот, на таком повороте в обгон по внешней полосе, лёг на дорогу и прицеп задними колёсами, его голову в лепёху. Так и отнесли в закрытом гробу на Долгопрудненское.

Природа городского человека, взлетев над дорогой и взглянув вниз в поисках оставленного чуланчика, увидит под собой сияющий в Солнечных лучах или сверкающий габаритными огнями, зачаровывающий своей неотвратимостью и мощью поток автомобилей, вставших в пробке или двигающихся так медленно, словно специально демонстрировавших динамику архитектуры своих корпусов наблюдающей их природе, которую не спутаешь не с чем, не с домами, не с деревьями, не с потоком звёзд Млечного Пути.

Дед притормозил перед Дмитровским шоссе, переключил скорость, приткнулся капотом к багажнику автомобиля с пыльными стёклами и грязными бортами, подавал понемногу, влезал между автомобилями.

- Какую природу губим! Дед тыкал пальцем в лобовое

стекло. – Сколько яда вокруг! Сколько машин газует! Сколько деревьев вдоль дорог засыхает! Дед влез между автомобилями.

Природа городского человека, увидев под собой привычные картины, - однообразные крыши домов и автомобилей, поняв, что всё нормально, всё на местах, что время, растерянное и рассеянное, так же двигается из всех точек во все стороны, природа городского человека вдруг вскрикнет, раскрыв глаза, не в силах припомнить крышу автомобиля или дома, в котором остался её родной, душный, тесный, тёмный, прижитой чуланчик городского человека.

Городской человек, воспитанный в строгости правил дорожного движения и взаимодействия с нюансами городской жизни, учитывая опыт предыдущих поколений, делает всё неспеша, чтобы его природа, выглядывая, время от времени из своего чуланчика, не вылетела бы наружу и не пошла по долам и весям в поисках того самого предмета, без которого и жизнь не жизнь, даже на дачном участке.

Терпеливый, дипломатичный, умеющий уходить от ударов и гасить конфликты, приспособленный к частой смене атмосферного давления, вёдра и ливней, приспособленный к частой смене лекарственных препаратов, смирившийся с отсутствием кондиционера в салоне автомобиля, городской человек, сидя в своём автомобиле в длинной автомобильной пробке, насмотревшись на свою природу и озверев от постоянного дробилова, - тормоз, сцепление, скорость, газ, тор-

моз, сцепление, скорость, газ, тормоз, сцепление, скорость, газ, тормоз, сцепление, скорость, газ, городской человек может не выдержать.

Городской человек, привыкший к походам в кинотеатры, к чтению книг, к ежедневной медитации у телевизора, научившийся отличать реальность от иллюзии, городской человек, разомлев за несколько часов, сидя за рулём автомобиля, с распаренными ногами, вытянутыми к горячему двигателю, городской человек, сдерживающий раздражение, всматривающийся в марево горячего воздуха, поднимающегося над капотами тысяч автомобилей, превращающих реальность в изображение на экране монитора компьютера, городской человек, может не рассчитать дистанцию и протаранить багажник автомобиля, газующего перед ним на нейтральной скорости, чувствуя, как внутри его городской природы образовывается чистое, свободное, свежее пространство, наполненное чувством детской справедливости.

- Смотри, куда прёшь! Дед кричал, высунувшись в окно, кричал в борт иномарки, вставшей напротив в левом ряду.
- Зеркало снесёшь! Зеркало убери! Я тебе щас вставляю! Дед хлопал ладонью по стойке за сиденьем, куда вешал свою клюку.

Иномарка медленно поехала вперёд.

Дед убрал голову из окна, резко обернулся.

Клюка лежала на заднем сидении.

Стоявший перед нами автомобиль медленно поехал впе-

рёд.

Дед резко повернулся к рулю, включил зажигание, включил скорость, осторожно нажал педаль газа.

- Зеркало у него не убирается! У меня убирается, а у него не убирается! Еть ты

Тихая, лёгкая, радость незаметно, с каждым автомобилем, повернувшим то на Долгопрудненское шоссе, то на Челобитьевское, подтапливает тесный, душный чуланчик, выталкивает природу городского человека из чуланчика, заставляя городского человека нажимать на педаль газа.

Салон автомобиля наполняется свежим воздухом. Воздух снова лезет в ноздрю, в ухо, под веко, заставляет городского человека поворачивается к окну затылком или поднимать стекло. Влетая в салон сквозь узкую щель, воздух пролетает над головой к заднему стеклу и исчезает в салоне автомобиля, словно на заднем сидении вход в параллельное пространство.

- Помнишь, где кладбище?

- Вот, здесь, поворот.

- Это я за тридевять земель от участка встану. Дальше есть поворот, там два шага от калитки. Помнишь, где могила-то?

- Водопроводную трубу через тропинку помню и памятник чёрного мрамора с якорными цепями вместо ограды.

Дед навалился грудью на руль, смотрел мимо меня.

- Не узнаю. Понастроили Здесь был поворот

На перекрёстке Дмитровского шоссе и Северного проезда

Дед остановил автомобиль, оглядывался, прятал за стёклами очков растерянный взгляд.

Солнце, привычное до невидимости, привычное до раздражения, до осознания городским человеком независимости Солнца от настроения городского человека, Солнце закрывали многоэтажки Заболотья.

Дед сел на край кресла, держался за руль левой рукой, вытянув вперёд правую руку, нагнулся-вытянулся над рычагом переключения передач, над коленями Прокопа, уткнулся в руку Прокопа своим плечом. Напротив груди Прокопа повисла его потная бритая, лысая голова. Дед открыл бардачок, копался внутри бардачка.

- За двадцать лет понастроили, не узнаю. Дед вынул из бардачка сложенную вдвое книжку карт Москвы и Московской области изданную в Советском Союзе.

Дед положил карты на руль, нашёл нужную страницу, сравнивал карту с окружающим ландшафтом.

- Вот эта дорога, - Дед показал Прокопу страницу карты, вёл пальцем по просёлку от шоссе сквозь смешанный лес к кладбищу. – Где она? Дед задирает брови, морщил, побелевший лоб, смотрел на меня сквозь стёкла очков растерявшись, возмущёнными, детскими глазами.

- Проехали, может.

- Ты куда смотрел?

- Ты же ничего не объясняешь, партизан, блин!

- Я тебе объяснил, что есть дорога, по которой мы доедем

почти к самому участку!

- Ты же не объяснил, где эту дорогу искать!

Дед бросил книгу карт на приборную доску.

- Разворот где?

- В Виноградово. Поворот направо в Северный и на конечной остановке развернёмся.

Дед включил зажигание, включил первую скорость

Тихо, словно в салоне стоящего рядом автомобиля, звучит музыка рокобили.

По Северному проезду на включённый красный, перед поехавшими автомобилями, по дуге, через перекрёсток пронёсся красный спортивный автомобиль.

Дед нажал на тормоза, двадцать четвёрка встала, сзади загудела иномарка.

Дед сидел, как замороженный, смотрел перед собой, подняв брови, наморщив побелевший лоб, держал руку на связке ключей, висевшей в замке зажигания. На его бритой, лысой голове выступали капли пота, скатывались на шею, под подбородок, собирались над воротником в длинные, мутные лужи и впитывались в воротник рубашки. Пот тёк по его лицу, капал с носа, тёк по сжатым тонким полосам губ. Дед прищурил глаза, залитые потом.

Непрерывно гудели стоявшие позади нас автомобили.

- Дедуль!? Прокоп потряс Деда за плечо.

Дед взглянул в зеркало заднего вида, выключил зажигание.

- Дед, подними стекло.

Дед смотрел вперёд, переключил скорость, покачал рычагом переключения скоростей, включил зажигание и на жёлтый свет светофора поехал по перекрёстку.

Иномарки остались перед светофором.

Справа, из Северного проезда, поехали, еле сдерживаясь, автомобили, слева, с Проектируемого проезда, поехали, еле сдерживаясь, автомобили.

Водители ждали зелёный свет.

Дед на первой скорости ехал по перекрёстку, наклонив вперёд голову, наморщив лоб, держал руку на рычаге переключения передач, левой рукой вцепился в руль, выставив локоть навстречу автомобилям из Проектируемого проезда, давил на педаль газа, но скорость не увеличивалась.

- Скорость переключи!

Дед не обратил внимания.

Когда Дед и Прокоп подъехали к середине перекрёстка, включился зелёный свет светофора.

Иномарки, ехавшие из Северного проезда, дёрнулись вперёд, тормознули, засигналили.

Автомобили, ехавшие из Проектируемого проезда, пронеслись сзади.

Автомобили, ехавшие из Северного проезда, сигналили, объезжали, водители высовывались из окон, что-то кричали.

Дед не шевельнулся.

Музыка рокобили стихла, заглушённая рёвом пронося-

щихся и сигнализирующих автомобилей.

Городской человек, увлечённый переустройством окружающего мира, почти не заглядывает в свой чуланчик. Городской человек может не знать, не представлять себе, не догадываться о том, кто живёт в его чуланчике, как течёт то, что считается временем. Городской человек и понятия может не иметь о внутренней архитектуре своего чуланчика.

Городской человек, не удержав внутри себя свою природу, может и не заметить её исчезновения. Только, когда природа городского человека, покрытая шрамами, похудевшая, жилистая, загорелая и радостная возвращается на свою место, на полку со свёрнутым матрасом и стопкой постельного белья, городской человек наблюдает за своей природой краем глаза, удивляясь не столько внешнему виду возвратившейся гулёны, сколько устройству чуланчика и тому, что считает временем.

Потому, что с возвращением природы городского человека, потерявшей отличительные черты и не отличимой от окружающего мира, то, что городской человек считает временем, может измениться и, или лететь сразу во все стороны со скоростью, равной сумме всех скоростей, либо замереть и лежать на полке вместе с уснувшей гулёной.

Двести метров от перекрёстка до площадки перед супермаркетом, по крайней правой полосе шоссе, мы тащились минут десять.

Автомобили, оставшиеся позади нас на перекрёстке, дав-

но нас обогнали.

Стая ворон, взлетевшая над свалкой, кружившая в воздухе над Заболотьем, нас догнала и кружила над супермаркетом, двигалась на северо-восток.

Вороны, молча, кружили в воздухе. Иногда из стаи, каркая, вылетали птицы, - одна, две или группа птиц и улетали в произвольно выбранном направлении.

Дед повернул к супермаркету, въехал на площадку перед магазином, остановился в центре площадки и выключил зажигание.

Дед медленно поднял правую руку, уткнулся лицом в локоть, стёр рукавом пот с головы и с лица, положил руки на руль, медленно наклонился вперёд, уткнулся лбом в руки.

Громкие, дребезжащие удары каблуков женских туфель приближались к микрофону.

- Людвиг ван Бетховен. «Ода к радости». Исполняют Большой государственный симфонический академический оркестр и Большой государственный академический хор Центрального телевидения и Всесоюзного радио, дирижёр Валерий Светланов.

Громкие, дребезжащие удары каблуков женских туфель удалялись от микрофона.

Громкие аплодисменты, грохот, отодвигаемых стульев, стук инструментов, звуки инструментов, звонкая дробь ударов по дирижёрскому пульта дирижёрской палочки.

Тишина. Кашель в зале.

Большой государственный симфонический академический оркестр и хор исполняют «Оду к радости».

Дед повернул голову, положил голову на руки, смотрел на Прокопа.

- Ты не представляешь, какая это работа, сидеть за баранкой пять часов подряд.

Дед повернулся к пиджаку, висевшему на крючке, за спинкой сидения, достал из кармана пиджака пузырёк с таблетками, вытряс одну таблетку на ладонь, бросил в рот, убрал пузырёк с таблетками в карман пиджака, с приборного щитка взял бутылку с водой, запил таблетку.

Иномарка въехала на площадку, проехала с правого борта, встала перед капотом «Волги», задним бампером наискось, сдала назад, почти уткнулась в двадцать четвёрку.

Из иномарки вышли двое молодых мужчин в майках с короткими рукавами, в джинсах, в мокасинах, с круглыми животами, повисшими над ремнями джинсов, расправляли плечи, смотрели из подлобья на лобовое стекло «Волги», делали широкие, размашистые движения плечами, руками, захлопнули двери.

Дед бросил на приборную доску бутылку с водой.

Двое молодых мужчин медленно, не оглядываясь, пошли в магазин. Один из них остановился пред дверьми магазина, обернулся, закрикнул замки в дверях иномарки. Иномарка мигнула фонарями.

У бордюра тротуара, на выезде на шоссе, в коричневой

рубашке, в чёрных мятых брюках, в чёрных ботинках, с коричневой сумкой в руке, стоял невысокого роста, худой, весь востренький, растрёпанный мужичок. Мужичок смотрел в сторону магазина и непонятно было, за кем он следит.

Редкими, слышными сквозь музыку горошинами, кашель прыгал по залу.

Ворона, каркая, упала из стаи на площадку перед магазином, прогуливалась по площадке, останавливалась, чтобы проорать что-то, вытягивала шею, приподнимала крылья, разворачивалась то в сторону мужичка, то в сторону двадцатьчетвёрки, то в сторону супермаркета.

- Разворачиваемся и едем домой. Дед включил зажигание, развернулся, объехал иномарку.

Мужичок поворачивал голову вслед автомобилю.

Дед подъехал к повороту на шоссе.

Мужичок всматривался сквозь стёкла в салон автомобиля.

Музыка «Ода радости» стихла. Аплодисменты.

Дед нажал на газ.

Мужичок бросился наперерез, под колёса автомобиля, сучил ногами, не сводил глаз с лобового стекла, боком вперёд пробежал перед самым капотом двадцатьчетвёрки.

Дед плюнул в открытое окно вслед мужичку.

Мужичок подпрыгнул, обернулся, ударил сумку коленом, отвернулся, засучил мелкими, торопящимися шагами.

Дед выехал на Дмитровское шоссе, крутил руль, выста-

вив локти, крутил потной, блестящей головой, задрал брови, растянул губы, показывал крепкие зубы.

Холодными, пресными, белыми и нежно-розовыми осыпавшимися лотосами зацветут волчьи ягоды в середине мая. Рябина в середине мая зацветёт белыми, весомыми, такими ароматными соцветиями, что дышишь воздухом, пропитанным ароматом рябины и дышишь. Боярышник закроет от взглядов листьями и белыми соцветиями, пригибающими ветви боярышника к земле, проплывающие по Каналу корабли. Малина, растущая по берегам Канала, скроет от горожан маленьких коричнево-ржавых птиц.

Головастики начнут хватать воздух, всплывая к поверхности, оставляя на поверхности болотца всплески и круги быстро исчезающих, мультипликационных волн в болотце, собравшимся у подножия глиняной горы, рядом с Гранитным заводом, перед гаражами и напротив поворота Молодёжной улицы, образованной ручьём, текущим по глубокой канаве, вдоль околицы нескольких жилых домов, оставшихся от снесённых Гнилуш. Головастики оживут и в Бусине, протекающей вокруг свалки. Головастики плывут, подчиняясь силе течения воды в ручье и в Бусине, сидят на дне неглубоких заводей и на прибрежной тине, держатся у берегов, в тёплой воде Заболотья и в пруду.

Утки высидят утят и начнут плавать со своими выводками в прудах в парке и в большом пруду, вдоль Дмитровского шоссе.

Стая ворон, оттеняя редких чаек, летящих вдоль шоссе, поперёк шоссе, стая ворон кружит, молча, в воздухе, медленно смещается на северо-восток, кружит над посёлком Северным.

С полотна шоссе большой долгопрудненский пруд выглядит голой, плоской поверхностью воды. Заросли камыша и осоки, слева у Заболотья, прячут от взглядов начало пруда, заросли камыша и осоки оборванными бородами торчат по берегам в меленьких бухтах. Сосны, стоящие на противоположном берегу пруда, поднятые Планетой к Солнцу, скрывают за своими кронами Солнце и на поверхности пруда, на грязно-коричневых волнах остаются тёмные полосы теней сосновых крон, полосы и пятна ярких вспышек солнечного света.

Может, для головастика, сгустка небольшого количества вещества, большой долгопрудненский пруд, - и Вселенная.

Мы все на этой Планете, - некоторое количество энтропии некоторого вещества. Энтропия, - это деревья, вода, земля, птицы, здания, люди, все живые существа и сама Планета. Живые существа, - некоторое количество энтропии Планеты. Планета, - некоторое количество энтропии некоторого вещества в Космосе. Мы все, - Планета и живые существа, некоторое количество энтропии в Космосе.

Городской человек, удерживая свою природу внутри своего чуланчика, запрещая своей природе выходить наружу, окружив свою природу стенами из правил и законов, кото-

рые и сам-то выполняет очень редко, а скорее всего и не выполняет, потому, что законы и правила городской человек устанавливает для своей городской природы, а не для себя, городской человек изо всех сил стремиться к тому, чтобы отличаться от окружающего его мира, родниться с фантазиями, рождёнными в чуланчике, в котором, вроде и нет ничего, кроме его, городского человека природы, и нескольких пришлых неизвестностей, притёртых к организму.

Городской человек, не зная, что происходит в его чуланчике, ориентируется по событиям внутри чуланчика по шорохам, шумам, по грохоту в желудке, по голосам и снам. Поэтому, когда природа городского человека, выросшая и любознательная, вырывается на волю, руша стены из законов и правил, часто это событие становится для городского человека настоящим откровением, просветлением, освобождением. Городской человек, очухавшись от потрясения и выйдя из шока, поднимается на вершину кучи каменных блоков, из которых были построены стены чуланчика, чтобы осмотреться вокруг и решить, куда, в какую из возможных сторон убежала его городская природа, городской человек оглядывается с вершины каменной кучи и у него сердце выскакивает из груди, кружится голова, захватывает дыхание и темнеет в глазах от такой красоты, от такого простора вокруг, от такой свободы, что городской человек начинает чувствовать себя головастиком, вынырнувшим из пруда, чтобы глотнуть чистого воздуха.

Безконечность, в которую вглядывается городской человек, стоя на вершине развалин, принимая в себя острый, сосредоточенный взгляд, отвечает городскому человеку таким же взглядом.

И городской человек, привыкший к каменным стенам, к проходным дворам, улицам, проспектам, узким переулкам, начинает жить под обломками стен своего чуланчика.

Когда природа городского человека, исхлѣстная и прожѣнная, выцветшая и перетѣтая, жилистая и загорелая, покрытая шрамами, весѣлая и жизнерадостная возвращается в свой родной, тесный, душный, тѣмный чуланчик, как же бывает городскому человеку хреново!

Городской человек столько событий из своей прожитой жизни воспринимает вывернутыми наизнанку или повѣрнутыми на сто восемьдесят градусов!

Как же рыдает городской человек по ночам во сне о том, что не прогулял/не прогуляла в тот день уроки в школе, а в тот день не прогулял/не прогуляла работу, что не разбил/не расцарапала в тот день кому-то морду, чтобы встретился с той/с тем, может и не единственной/не единственным, но с той/с тем, с которой/с которым бы поднялся/поднялась туда, откуда нет возврата.

Когда чувства, охватывающие городского человека после возвращения его городской природы, становятся невыносимыми, городской человек, помня взгляд безконечности, выходит из-под обломков своего воздушного замка и отправ-

ляется в путешествие.

Путешествуя по родному городу и по окрестностям родного города, городской человек замечает много чудесного и, привыкнув в постоянным автомобильным пробкам, не видя в них ничего необычного, городской человек классифицирует как необычное даже примелькавшееся, классифицирует, не думая о автомобильных пробках, классифицирует краем сознания, за которым побывала его вернувшаяся городская природа. Пробки бывают нескольких видов: постоянные, образующиеся в одних и тех местах из-за работы светофора или расписания движения пригородных электричек и не исчезающие, циклические, образующие в часы пик на какой-нибудь улице из-за нехватки полос для движения автомобилей или из-за ремонта дороги, временные, образующиеся из-за ДТП. Городской человек замечает, что автомобильные пробки оканчиваются по-разному, - обрываются сразу за светофором, сразу за переездом или постепенно рассасываются.

Автомобильная пробка, образующаяся на Дмитровском шоссе, от торгового центра до Северного проезда, сразу за кольцевой дорогой, является циклической и к перекрёстку, когда рассасывается, когда нет.

Мы ехали вдоль Долгого пруда, словно в разряженных верхних слоях атмосферы.

Влажный апрельский воздух, тяжёлый и густой, размывающий цвета и контуры предметов, наполнялся вечерним солнечным светом, рассеивал солнечный свет, придавал глу-

бину формам и увеличивал объём замкнутых пространств. И лёгкие, наполняясь воздухом, увеличивались в объёме, отчего захватывало дыхание, выдох не получался сразу и приходилось задерживать воздух внутри лёгких, уговаривая безконечность не разворачиваться внутри тела и не вылетать наружу.

Дед прижал локти к бокам, опустил брови, разглядывал то заборы частных домов Северного посёлка, то Долгий пруд, то вглядывался в зеркало заднего вида.

- Понастроили за двадцать лет, не узнать. Где разворот?
- За светофором направо, на автобусном кругу развернёмся. Перестройся в крайний левый, на светофоре развернёмся.

Дед остановился перед светофором, пригнулся, разглядывал столбы.

- Вон, видеокамера, вон видеокамера.
- Они не работают.
- Откуда знаешь?
- В интернете говорят.
- Что мне твой интернет! Вон стоят!

Дед тыкнул пальцем в сторону пруда.

Перед поворотом на Долгопрудненскую аллею, стояли спиной к светофору, напротив высохшего дерева, за щитом указателя, высматривая среди ехавших автомобилей, среди водителей, смотревших на них сквозь лобовое стекло, двое полицейских высматривали самых им понятных, с са-

мыми вытарашенными или самыми спокойными глазами, двое полицейских высматривали водителей, вымотавшихся за день, водителей, чья городская природа несколько дней или несколько часов назад вырвалась из чуланчика.

- Вон поворот, справа перед светофором, видишь?

- Знаю! Дед переключил скорость, нажал на педаль газа.

Мотоциклист, в чёрной кожанке, в чёрном шлеме, в чёрных кожаных штанах, в чёрных ботинках на толстой рифлёной подошве, в чёрных крагах выехал за белую полосу перед светофором, на левую полосу шоссе, газовал, стоя на месте, повернув влево переднее колесо, упирался правой ногой в асфальт. За мотоциклистом, перед светофором стояла длинная вереница автомобилей.

Внутри двух непрерывных полос, двух струн, двух жил, прижав к груди безгривный табун безкрылых сил и телом к бензобаку прижав сырой кожан, нестись навстречу в драку всем видимым мирам. На срыве всех галактик, - в форсаж и в мощный рёв, плющить в схемы странные звёзды и жуков шлемом и забралом. И чувствовать в себе два сердца под кожаном и Вечность в голове.

Дед выставил локти, крутил руль, растянул губы, повернул в Северный проезд.

Дед откинулся на спинку сидения, на первой скорости, осторожно двигался вперёд, осматривался, словно первый раз проезжал по Северному проезду.

Поперёк тропинки, лежащей за мелким кюветом, попе-

рѣк кювета, капотом к деревянному забору, задрав вверх багажник, стоял чѣрный внедорожник. Напротив, в нескольких метрах за поворотом, на въезде на конечную остановку автобуса, правыми колѣсами на газоне, у кустов, притаился полицейский автомобиль. В полицейском автомобиле на переднем сидении сидел полицейский, заполнял протокол, на заднем сидении сидел стильно одетый мужчина, у полицейского автомобиля стояли двое полицейских и двое мужчин, три иномарки стояли за полицейским автомобилем, в последней иномарке сидела женщина.

Дед на первой скорости проехал мимо поворота на конечную остановку, проехал дальше.

- Кто их сюда принѣс? Дед осматривался, крутил головой.

В тени высоких деревьев прохладный воздух, словно Космос, густой и безцветно-мглистый, вливался в салон «Волги», нагревался и исчезал неизвестно куда, сквозь какие щели.

Дед и Прокоп объехали остров высоких деревьев. Частые, одноэтажные типовые дома, мимо которых проехали, окрашенные все в светлую охру. Запомнилось так, окружѣнные высокими дубами и вязами, с цветами в палисадниках, стена домов в ярких солнечных агонизирующих пятнах, частные дома, после высоченных многоэтажек новых микрорайонов, выглядели удивительно, необычно, резонировали с содержимым чуланчика, почти забугорным откровением откликались на удивление. Сорок минут, плюс-минус, до цен-

тра города, когда нет автомобильных пробок, а здесь такой сказочный уголок.

Дед осторожно вырулил на конечную остановку, медленно прокрался мимо полицейского автомобиля и трёх иномарок.

Женщина, сидевшая в третьей иномарке, положила локти на руль, держала перед глазами телефон, уставилась в дисплей телефона, играла в какую-то игру.

Мы выехали на проезд. Дед пристроился к веренице автомобилей, выключил зажигание, поставил автомобиль на ручник, достал с приборной доски бутылку с водой, откинулся в кресле, поднёс бутылку к лицу, всмотрелся в бутылку, сделал несколько глотков, закрыл бутылку, бросил бутылку на приборный доску.

- Что в мире твориться Дед покрутил руль обеими руками. - Не проехать Усилитель надо менять. Пока человеку не въебёшь по морде, он так и будет гадить. А въебёшь, человек отступит на шаг, сплюнет красные слюни и, хоть и не перестанет вонять, но говном перестанет кидаться. При Союзе такого не было. Бедно жили, но говном друг друга не мазали. Вот, помнишь? Дед отодвинул тряпку, лежавшую рядом с рычагом переключения скоростей, сжал своей ручищей, поднял, показал дубинку со свинцовым сердечником. - Твой отец из берёзового черенка сделал, когда в школе занимался своим каратэ. Вторая вот, под сиденьем. Дед ткнул пальцем в дверцу.

Прокоп не помнил. Прокоп никогда не видел у Деда ду-

бинки. Прокоп смотрел на Деда, - плечи опустились, шея стала тоньше, на пальцах вздулись суставы, хромал сильнее, сорванную спину держал прямо, ходил, наклонившись вперёд всей прямой спиной.

Дед положил дубинку, снял автомобиль с ручника, включил зажигание, проехал несколько метров, выключил зажигание.

Дед откинулся на сидении, положил руки на колени, смотрел вперёд.

На зелёный свет светофора успевали проехать три автомобиля. Впереди нас стояли четырнадцать автомобилей.

Городской человек, когда его городская природа, такая тихая, приятная на взгляд, вдруг, словно Биг Бэнг вырывается наружу из чуланчика, когда городской человек прилагает нечеловеческие усилия, чтобы сохранить хотя бы фундамент своего рухнувшего мира, когда природа городского человека, зыркнув на горожанина из ставшей прозрачной не то головы, не то ночного неба, исчезает неведомо как, неведомо куда, городской человек, почувствовав внутри себя неожиданную лёгкость, неожиданное пространство, незаполненную необязательность, городской человек, носком ботинка тыкнув каменные блоки рухнувших законов и правил, старается занять себя поисками своей исчезнувшей природы и, заодно, изучением того, что так отличается от его внутренней природы.

Городской человек, сидя на развалинах чуланчика и на-

блюдая внешний мир, с удивлением замечает, что многое из того, что он считал не существующим, существовало до Биг Бэнга, что каменные блоки, из которых он строил чуланчик для своей городской природы, существовали до Биг Бэнга, что возраст многих чёрных дыр значительно превосходит возраст Вселенной, что законы и правила, которыми городской человек отгородился от Вселенной, существуют только в его голове, работающей по общему Вселенскому принципу ЮэСБи и отражающей внутрь его черепной коробки мысли, не приемлемые во внешнем мире.

Городской человек, если позволяют средства, отправляется в путешествия по континентам Земного шара в поисках своей городской природы или ищет свою природу на дачном участке, или гуляет по городским паркам и соседним кварталам, по заброшенным стройкам, по заброшенным заводам и замечает вокруг себя столько прекрасного и удивительного, что забывает, даже по вечерам перед сном, заглянуть под развалины своего чуланчика, чтобы проведать тени, прижившиеся в его организме до Биг Бэнга.

Городской человек лазает по брошенным деревням, по подземным пещерам, гуляет по закрытым дорогам и засекреченным городам, городской человек плавает по морям и океанам, перелопачивает неизвестные коралловые острова, городской человек залазит в такие непроходимые топи и бредни, что, если вылезит из бредней живым, то уходит в горы или на берег моря, садится в позу лотоса, рассматривает из-

нутри себя свои сросшиеся кости, зарубцевавшие укусы, царапины и порезы, городской человек садится в позу лотоса и плачет тихими, беззаботными слезами.

Природа городского человека, бросившись сразу во все возможные стороны, ударившись всей грудью о небесную твердь, загудев, словно все водопады мира, словно все штормы, ураганы и бури, словно все крылья всех птиц, природа городского человека улетает за все пределы, осыпавшись внутрь Вселенной тем, что отразилось от внутренней поверхности небесной тверди, собирает на обратном пути свои иллюзии в некоторое подобие своего бывшего организма и прилетает к городскому человеку жуком бронзовиком, жужжит в квартире, бьётся в оконное стекло или прилетает бабочкой, садится на капот и сидит, расправив крылья.

Бабочка задрала брюшко, расправила хоботок, свернула хоботок, подняла одну лапку, сложила крылья, подняла вторую лапку и взлетела, повисела над капотом несколько секунд, словно собиралась с мыслями.

- В понедельник собрался ехать на техосмотр, сел, а сцепление провалилось. Движок осмотрел, тросики проверил, под днище залез, всё нормально. Сел, педаль нажал, сцепление проваливается. Звоню автомеханику, у которого техосмотр прохожу, приезжай, сцепление мозги ебёт. Пока механик ехал, Ольга приехала. Ольга проверила, всё нормально. Механик приехал, ковырялся, ковырялся, вылез из-под капота, всё нормально, говорит. Сажусь за руль, педаль про-

валивается. Механик сел, полчаса сидел, сцепление дрович. Вылез, хуй его знает, говорит. Решили, что на следующий день закажу буксир. На следующее утро сажусь за руль, нажимаю педаль, всё нормально. Во!

Невидимо-мглистый, почти Космос, воздух над шоссе и в конце проезда, перед светофором, наполнялся тёплым, прозрачно-оранжевым тоном, словно солнечный свет отражался от стволов деревьев и некрашенных заборов, видимых с шоссе, от склона пригорка, на котором стоит посёлок Северный.

Чёрная иномарка скользнула вдоль колонны автомобилей, по малому радиусу обошла первый автомобиль, поехавший на зелёный свет, ушла к Москве.

Дед развернулся в сидении, залез в карман пиджака, висевшего на крючке за спинкой сидения, достал из кармана звонивший телефон.

- Аллё, лапа. Окей. На кладбище не были. Понастроили, я дорогу не нашёл. Дома расскажу. Мы в пробке стоим, на светофоре, едем домой. Уже кончилась, перед нами остался один буржуй. Сначала к внуку заедем, и сразу домой. Пока. Давай. Давай, зелёный зажёгся! Дед бросил телефон на приборную доску.

Прозрачно-оранжевый, разбавленный тёмно-невидимым оттенком смога, словно маскировался под вечернее небо, воздух над шоссе, над прудом, словно воздух внутри тела, - родной, согретый, с привычными запахами, воздух усиливал контраст и предметы, размытые дневным солнечным светом,

удалённые и близкие, даже самые тонкие ветки и самые маленькие автомобили вдали, были видны.

Чёрная иномарка, обошедшая всех по малому радиусу на повороте, стояла носом к сухому дереву перед полицейским автомобилем перед поворотом на Долгопрудненскую аллею. Мужчина, в чёрной рубашке, в чёрных брюках, в чёрных туфлях, с растерянным видом и всклокоченными волосами, стоял перед полицейскими, руки в боки.

Полицейские, один листал документы, второй, положил на крышу полицейского автомобиля лист бумаги, что-то писал.

Белые чайки летали на фоне тёмно-зелёного леса, на фоне светло-голубого неба, на фоне тёпло-серой стеклянной воды над Долгим прудом. Чайки пролетали над Долгим прудом к Каналу, к Химкам, к Водникам. Чайки садились на воду, чайки летали над водой пруда. Чаек немного. Чаек легко пересчитать. Чайки придают объём прозрачно-оранжевому воздуху над плоской поверхностью пруда. Белые чайки появлялись на фоне тёмно-зелёного противоположного берега, тёмно-серые чайки появлялись на фоне светло-голубого неба, белые чайки летали над водой.

Воздух, словно свет в Космосе, воздух невидим, прохладен, лезет под веко, в ноздрю, в ухо. Сквозь тонкую щель, оставленную поднятым стеклом, воздух влетает в салон автомобиля, холодит макушку, пролетает в нагретый салон и исчезает неизвестно куда, сквозь какие щели.

Городской человек, излазив всю Планету, не найдя своей природы, ставшей реликтовым шумом, сидя в медитации понимает, что жизнь на этом не кончается, что его природа обязательно вернётся, некуда ей деваться из подводной лодки, есть захочет и вернётся.

Городской человек, открыв глаза и обнаружив себя на вершине скалы, торчащей над пропастью или на берегу далёкого моря, почувствовав себя частью Вселенской природы, с такой неохотой встаёт на ноги, с такой неохотой думает о возвращении в город, с такой неохотой думает о множестве безтолковых предметов, которые придётся пересчитывать, что втайне от себя желает своей природе подольше шлаться по Вселенским просторам.

Дед повернул на Проектируемый проезд, проехал по микрорайону Заболотье, и встал перед длинной, периодической пробкой на Долгопрудненском шоссе, образующейся перед железнодорожным переездом в Новодачной.

- Мостки поставили. Парк собираются разбить?

- Увидим.

- Осушили Заболотье

Четыре дворняжки, три щенка и сука, сидели на противоположной обочине дороги, наблюдали за проезжающими автомобилями, тявкали стоящим в пробке.

Водитель «Газели», стоявшей впереди, в двух автомобилях от нас, вышел из машины с полиэтиленовым пакетом в руках, вышел на середину шоссе, втаскивал из пакета бутер-

броды, кидал собакам.

- Деревню выселили?

- Несколько домов осталось. Сдают в основном.

- Деревьев сколько посохло. В болоте стояли, сохли, болото осушили, всё равно сохнут. Какая природа гибнет! Ведь, сколько выхлопных газов, пока стоим, вырабатываем! Чайки ядовитой рыбой птенцов выкармливали. Хотя чайки улетели в новое место, может там рыба чистая. А здесь, на Бусине свалку насыпали, сколько отравы на свалку выбрасывают, сколько отравы в реку стекает, а потом вся эта отравы, - в пруд. И народ ещё купается! В Малайзии орангутангов живыми в землю закапывают, живыми сжигают, палками забивают из-за пальмового масла! Ведь просто, перестань жрать это пальмовое масло, которое только в тропиках переваривается, а северному человеку это пальмовое масло, - яд натуральный! И орангутанги будут живы и люди выздоровеют! Как же орут лисы, с которых с живых шкуру для шуб сдирают! Я на этих дур со шкурами через плечо смотреть не могу, уничтожил бы! Сводить бы их всех на скотобойню, чтоб послушали, как их шубы орут, принимая смерть лютую!

Дед посмотрел на свои дрожавшие руки, повернулся к пиджаку, достал из кармана таблетки, вытряс одну на ладонь, бросил в рот, положил таблетки в карман пиджака, достал с приборной доски бутылку с водой, выпил несколько глотков.

- На таких, вот, дур, мужики ведутся, и гибнут. Мужики глотки друг другу рвут, чтоб такой, вот, дуре присунуть, ко-

торая и понять не может, зачем ей это надо! Нарожают такие, вот, дуры детей, потом катают коляски, а на глупеньких личиках единственное выражение, - зачем мне это надо? К таким, вот, дурам уходят от нормальных баб, потом на пузе обратно приползают, а поезд ушёл. Сколько же мужиков спилось из-за этих пластмассок!

- Туда им и дорога.

- А?

- Естественный отбор.

Дед всматривался в лицо Прокопа.

- Ты то, чего не женишься?

- Ты же сам говорил, чтобы не спешил влезать в этот хомут. Тем более нормальных баб днём с огнём.

- В Союзе с бабами лучше было. Хоть и бедно жили, но берегли в себе что-то, отчего выстояли. «Еврейский» магазин помнишь?

- Не помню. Мы переехали, когда мне было три года.

- Директора «еврейского» ты точно, не помнишь. Где мы раньше жили, был магазин. Он и сейчас там стоит. В этом магазине всегда было всё. А перед праздниками всегда что-нибудь выкидывали: колбасу, рыбу, заказы. Директор этого магазина жил в двенадцатом доме. Мы всегда знали, когда, что в магазине выкинут. Со временем слухи о «еврейском» магазине расползались, народ приезжал с Ленинского проспекта, но суть не в этом. Директор жил, как член политбюро. Ездил на «Волге», от двенадцатого дома до магазина

пешком десять минут, а он на своей «Волге». Его посылали в ГДР на два года по обмену опытом. Когда он из ГДР вернулся, в «еврейский» начали немецкие товары завозить. Жена у него умная, красивая, работала бухгалтером в его магазине. Жил, как царь. Когда нас переселили, им дали трёхкомнатную квартиру на десятом этаже в нашем доме. Он нас приглашал после ремонта. Квартиру отделал Своё место в «еврейском» он кому-то продал, и с кем-то открыл сеть магазинов. В Москве почти не жил, по границам отдыхал. Когда приезжали с женой в Москву, жили в нашем доме. А встретил он такую, вот, с мехами через плечо, купил ей квартиру и ушёл от жены. Но, годы берут своё. Выгнала его любовница. Он к своей жене, а она его на порог не пустила. Бросила ему матрас, одеяло, мужик первый год на лестнице ночевал. Утром зайдёт, побреется, зубы почистит и на лестницу. Он в суд. А любовница доказала, что он ей изменял. Тем более не расписаны. Начал пить, на работе его опускали-опускали, выгнали. Мужик всё пропил. Жил под лестницей, без квартиры, без машины. С помойки мебель принёс. Жена ему поесть приносила, мыться пускала, мужики, когда с ним выпьют, посидят. А тут, как с цепи сорвался. Бабы такие, бабы сякие, и твоя жена такая, и твоя жена такая. Мужики ему морду разбили, не разговаривают, а он всё равно. Ольгу встретил, на Ольгу попёр. Ольга ему разок вlepила, успокоился. А сегодня ночью чувствуем, дымом пахнет. Шашлык, что ли кто во дворе жарит? Вышел на балкон, а

из-за лестничной двери дым. Я пожарную. Пожарные приехали, потушили, а мужик сгорел. Напился вечером, и сгорел. Жил, как член политбюро, а сгорел бомжем. Утром прохожу мимо лестницы, полусгоревшая дверь распахнута, лестница вся чёрная, оттуда, так, - Дед скосил на меня глаз, помахал ладонью перед лицом, втянул носом воздух, - человечинкой несёт.

Железнодорожный переезд в Новодачной в параллельном мире работает генератором случайных чисел и пропускает автомобили то по одному, то группами по три-четыре-семь, то по десятку.

Природа городского человека, вернувшись к развалинам родного чуланчика и выпавшись под развалинами, на своей полке, сохранённой с любовью и с надеждой, на чистом белье, встав, может на следующее утро, может через несколько лет, выходит из чуланчика, не обращая внимания на строгие взгляды и окрики. Побродив под рухнувшими, кое-где закопченными, валяющимися кое-как каменными блоками, создавшими запутанный, но безтолковый лабиринт, осмотрев кучи хлама, наваленные в дальних тупичках и закоулках, природа городского человека выходит из-под развалин, чтобы умыться, поесть, улыбнуться Солнцу и предложить проходившей мимо женщине чашечку кофе и один из бутербродов с сыром.

Дед включил зажигание, двигатель заорал, словно тянул гружёный ЗИЛ, из выхлопной трубы вырвалось облако чёр-

ного дыма. Дед взглянул в зеркало заднего вида, переключил скорость. Двадцатьчетвёрка осторожно двинулась вперёд по переезду.

- Зажигание надо перебрать. Всё руки не доходят, никак не отрегулирую. Где поедём?

- По Лихачёвскому. На Дирижабельной перед переездом пробка.

Если Читатель въезжал в Долгопрудный по Лихачёвскому проезду, объехав пост ГАИ, повернув перед развалинами недостроенного здания, повёрнутого фасадом красивого скелета к рекламному щиту у перекрёстка и маленькому рынку искусственных цветов, Читатель мог обратить внимание на то, что дорога обратно, даже, если Читатель возвращается по той же само дороге, дорога обратно отличается от дороги туда, куда Читатель ездил.

Читатель, сместившись относительно неподвижной системы координат, видит те же предметы с нового ракурса, с новыми светотенями, с новыми пропорциями крон и пересечениями ветвей, с новым количеством кирпичей в стенах зданий, построенных по сторонам проезда, с новыми углами наклона крыш и оконных рам относительно почти незаметного поворота Лихачёвского проезда. Обратная дорога может быть так непохожей на дорогу в ту сторону, в которую Читатель ездил, что Читатель может заблудиться, приняв обратную дорогу за дорогу туда, и повернув обратно или в сторону, Читатель может уйти с правильного направления и про-

плутать некоторое время по неизвестным закоулкам родной местности.

- Рыжего помнишь? Дед повернул голову в сторону главного въезда на Долгопрудненского кладбища.

- По фотографиям.

- У вас где-то лежит. Золотые руки были у мужика, спился. Мы в карбюраторном цеху работали за соседними столами. На его столе всегда был бардак. Рыжий уйдёт на обед, а я на его столе приберу, порядок сделаю, всё разложу по ящикам. Рыжий возвращался, минут десять смотрел на голый стол, потом выдвигал ящики и высыпал всё из ящиков на стол! Дед засмеялся, закинул голову назад, покраснел, шмыгнул носом, вытер нос рукавом. - Царство ему Небесное. Дед перекрестился.

Голые, простые, прозрачные осколки фары и стёкол, валявшиеся на перекрёстке, Солнце высмотрело до последнего.

От фуры и от иномарки на асфальте остались чёрные следы шин.

Дед выставил локти, крутил руль.

Новый бульвар от поворота с Лихачёвского проезда выглядит красивой, но плоской декорацией.

Дирижабельный завод на фоне белых многоэтажек с красными огнями на крышах, незаметен за корпусами складов и за кронами деревьев.

- Дирижабельный жив?

- Шили, вроде, воздушные шары, а сейчас не знаю. Сдают, наверное, под склады.

- А этот что написал? Дед ткнул пальцем в транспарант, натянутый на заборе частного дома, оставшегося от Гнилуш, стоящего на пути нового полотна Лихачёвского шоссе плотным, коренастым фруктовым салом, закрывшем одноэтажный дом, с высокой двухэтажной летней башней у дальнего угла участка, участком, подобравшим под себя ноги для прыжка, прижавшем к земле голову, смотрящим сквозь полугнилой, рассыпающийся забор стёклами осевшего дома.

- «У нас незаконно отнимают землю! Следующим можете быть Вы!» Не сдаются мужики.

- На своей земле сидят.

- На калитке следующего дома объявление: «Не сдаётся. Не продаётся».

Дед всмотрелся в зеркало заднего вида.

- Башня у него отапливается?

- В окне цветы стоят. Может и отапливается.

Дед наклонился к рулю, крутил головой, задрал брови, побелевший лоб собрался в морщины, Дед растянул губы, показывал крепкие зубы, вытаращил за стёклами очков удивлённые глаза.

- Не мой уже город, ох, не мой. Где поворот!?

- За переходом налево.

- Когда к тебе ехал, проехал, пришлось у Гранитного разворачиваться.

- Мог бы на Спортивной, на светофоре развернуться.

Дед медленно повернул ко мне голову, взглянул, отвернулся.

Городской человек, радуясь своей природе, вернувшейся на развалины родного чуланчика, настолько не отличимой от окружающего мира, что городской человек первое время сторониться неожиданного счастья, городской человек привыкает со временем к своей соседке и живёт себе поживает, любясь новыми чувствами, разглядывая, вдруг изменившейся и похорошевший внешний мир. Городской человек может и не заметить изменений, происходящих внутри его чего-то, что и телом не назовёшь и душой назвать. Но, окружающие городского человека соседи и родственники подметят новые грани его характера.

Может случиться так, что городской человек, ослабив свой организм вольностями и размеренной, малоподвижной жизнью за стенами чуланчика, может не справиться со свалившейся на него радостной, покрытой свежим загаром и шрамами, полузабытой мечтой своего детства, городской человек начнёт вспоминать свою прежнюю жизнь, копаться в себе, уползёт в дальний угол своих развалин, и сольётся постепенно со структурой каменных блоков. Постепенно о городском человеке забудут знакомые, друзья, соседи, родственники перестанут звонить по выходным и по праздникам и городской человек, лежа на истлевшем поролоне продавленного дивана, оставит после себя что-то похожее на

след своего туловища, который тоже истлеет на городской свалке. А природа городского человека, побродив по лабиринту развалин чуланчика в поисках городского человека, выйдя на свет, улыбнувшись Солнцу и загорелой, сильной, красивой грудью вдохнув майский воздух, уйдёт в дикие леса, радуясь нежности и дружелюбию того, что, может, и не является природой городского человека, но представлена окружающим миром, в котором природа городского человека чувствует себя частью Вселенной.

Городской человек, чувствуя внутри себя что-то отличное от него, но любящее и дружелюбное, уступив этому неизвестно чему часть личного пространства неизвестно где, городской человек начинает замечать исковерканные до неузнаваемости законами и правилами отличия окружающего мира от того, что он видел изнутри своего чуланчика. И Земля, оказывается, не Земля, а пустой полузамкнутый тор, и Солнце, оказывается, не Солнце, а исполнение его желаний и частицы, оказывается не частицы, а развалины чьего-то чуланчика, и городской человек бродит по сложному, безтолковому лабиринту Вселенной, время от времени узнавая дорогу, по которой уже проходил несколько лет или несколько жизней назад.

Дед припарковал двадцатьчетвёрку напротив подъезда, выключил зажигание, вынул из замка зажигания ключ, откинулся на спинку сидения, грохнул связкой ключей по колену.

- У-у-ух! Всё! Дед, медленно понимая руку со связкой

ключей, медленно отделился от спинки сидения, дотянулся до бутылки с водой, сжал бутылку, бутылка хрустнула под связкой ключей. Дед медленно откинулся на спинку сидения, отпил воды из бутылки, положил бутылку на тряпку у ручника, поставил автомобиль на ручник, взглянул на Прокопа.

- Выходим! Дед отстегнул ремень безопасности, открыл, оттолкнул от себя дверь, поднял руками левую ногу, вытащил из-под рулевой колонки, поставил на землю, взял руками правую ногу, подтянул к порожку, повернулся на сидении к двери, поставил правую ногу на землю.

- Ключу подай мне!

Прокоп достал с заднего сидения ключу, подал Деду ключу, положил ключу на руль.

Дед схватил ключу, рванул ключу к себе.

Прокоп вышел из автомобиля, обошёл автомобиль с капота.

Дед сидел в дверях автомобиля, правая рука на ручке двери, в левой руке ключа, смотрел снизу вверх поверх очков побелевшими глазами, задрал брови на собравшимся в морщины, побелевшем лбу.

- Сейчас грузимся и я еду. Всё. Иди за коробками.

- В квартиру поднимешься?

- Может, потом. Всё, иди, я багажник подготовлю. Дед повесил крюк за спинкой водительского сидения.

Земля, конечно, не полая. Сила тяжести направлена к цен-

тру сферы и все предметы с внутренней поверхности сферы падают на внутреннее Солнце. Оболочка притянется к центру и заполнит пустоты сферы. Чтобы предметы держались на внутренней поверхности сферы, Земля должна вращаться с такой скоростью, что на внешней поверхности планеты жить могли бы одни птицы, а вся вода собралась бы на экваторе в одну реку. Если предположить, что сила тяжести оболочки направлена внутрь оболочки, удерживает предметы на внутренней поверхности и уравнивает силу тяжести внутреннего Солнца, внутреннее Солнце вращается со скоростью равной скорости вращения оболочки и некоторым образом дополняет сгоревшее вещество, поддерживая постоянной свою массу и сдерживая скорость вращения оболочки, то любое нарушение скорости вращения системы, - внешних и внутренних слоёв вещества оболочки и внутреннего Солнца, любое нарушение скорости вращения окажется катастрофическим для внутреннего мира. Огромные кратеры от ударов метеоритов в поверхность Земли говорят о том, что скорость вращения системы многократно нарушалась за четыре миллиарда лет развития Земли.

Городской человек, даже бросившись на поиски своей сбежавшей природы, излазав горы, пещеры, прибрежные морские и океанские воды и ближайший Космос, даже предложив существование в глубинах планеты предыдущих цивилизаций и познакомившись с их некоторыми представителями, городской человек не смог подтвердить гипотезу

существования полой Земли, а его природе, вернувшейся из путешествий влюблённой, радостной и живой, природе городского человека на эту гипотезу с прибором.

Городской человек, начав пересчитывать количество предметов, количество множеств предметов, количество атомов в предметах, количество множеств атомов во множествах предметов, взаимодействия множеств атомов во множествах предметов, городской человек, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся внутри него после Биг Бэнга, который разрушил чуланчик, в котором городской человек хранил свою природу и нескольких приживальщиков, городской человек, начав пересчитывать предметы, до сих пор пересчитывает.

Одна коробка с садовым инвентарём, три мешка с банками различной ёмкости: от двухсот граммовых до трёхлитровых, грабли, лопата, два черенка для лопат, черенок для грабель и две чугунные пудовые гири.

Городской человек, переезжающий летом на свою дачу, если у городского человека есть свой автомобиль, городской человек сразу скажет, что гири в этом списке самые ненужные предметы.

Городскому человеку, живущему на своей даче, может пригодиться множество предметов, но чугунные гири, даже если городской человек и привезёт их на дачу, чугунные гири будут стоять в сарае или на веранде, или в чуланчике под лестницей, заваленные досками или старыми куртками,

заставленные пыльными, пустыми стеклянными банками и картонными коробками.

Гири Дед поставил в багажник первыми, распихал по багажнику коробки с торцевыми ключами, отодвинул коробку с садовым инвентарём, поставил гири в левый угол багажника. Мешки с банками Дед положил на гири и на коробку с инвентарём, постоял, вынул мешки из багажника, захлопнул багажник.

- Открывай салон, кладём мешки на заднее сидение.

Прокоп подавал Деду мешки. Дед, растянуты сжатые добела губы, побелевшие морщины над задранными бровями, прямая спина с мокрым пятном на рубашке, капли пота стекали по бритой, лысой голове, Дед укладывал мешки в салоне двадцатьчёрки.

- Давай лопату! Дед, верхняя половина тела в салоне, протянул из салона руку.

Прокоп подал Деду связку черенков с лопатой и граблями.

Дед уложил инвентарь, переступая ногами, пятился, пока не вылез из салона, опираясь руками на ручку открытой двери и на спинку заднего сидения, медленно поднял прямую спину, стоял, положил локоть на открытую дверь, смотрел вверх крыши автомобиля в густой куст шиповника.

- Пошли, ополоснусь. Дед говорил кусту шиповника. — Ключу мне подай.

Прокоп открыл переднюю дверь, достал ключу, подал Деду.

Дед наклонил вперёд идеально прямую спину, опираясь на клюку, хромая на одну ногу, обошёл автомобиль, закрыл двери, запер замок, обошёл вокруг автомобиля, подёргал за каждую ручку.

Земля, конечно не полая. Солнце, образовавшееся раньше всех планет внутри протопланетного облака, потащило за собой вещество протопланетного облака. Плотность облака увеличивалась к центру и была разной на разном расстоянии от Солнца. Слои вещества двигались вокруг Солнца с разной скоростью, медленно на полюсах и быстро на экваторе, вещество протопланетного облака закручивалась на границе скоростей в вихри. Вихри вращались с разной скоростью, медленно на полюсах и быстро на экваторах. Пыль поляризовывалась, образуя поляризованные торообразные сгустки вещества, образующие внутри торов пространство де Ситтера, а двигаясь вокруг Солнца, образовывали на траектории орбиты пространства де Ситтера. Противоположно заряженные области торов протопланетного вещества притягивались, постепенно создавая сферу. Планета образовывалась от экватора к полюсам и на полюсах планеты могли оставаться впадины, которые постепенно затянулись. Гора Меру могла быть и не горой, а впадиной и оси вращения планет могли быть перпендикулярны оси вращения Солнца.

Солнечный свет, отражённый розовой стеной четвёртого дома наполнял двор розовым светом.

Дед вошёл в квартиру, прошёл к туалету, повесил клюку

на ручку ванной.

- Ничего не буду! – Дед кричал из туалета. – Налей мне холодной воды, кипячёной!

Тёмно-золотая столешница кухонного стола отражалась в металлической миске, в металлических ложках.

Дед выключил свет в туалете, вошёл на кухню, вымыл на кухне руки, одним духом выпил воду, поставил-отбросил кружку на стол.

- Холодильник чего стоит, если не работает?

- Бабулин.

Дед внимательно смотрел мне в глаза.

- Давай, берись, вынесем. Дед отодвинул холодильник от стены, осмотрел двигатель. – Берись!

Древний холодильник был не тяжёл, но острые края металлического листа, врезались в пальцы.

Дед с Прокопом вынесли холодильник на лестницу.

Дед и Прокоп стояли на лестничной площадке перед лестницей.

Дед ударил кулаком по узким автоматическим дверям лифта.

- Дядьку своего помнишь?

- Прошлым летом на шашлык ездили.

- Мы с ним по этой лестнице два листа ДСП вдвоём!

Дед поднял указательный палец.

Синие глаза стали огромными за стёклами очков.

- А ты говоришь лифт.

Дед обнял холодильник, лёг на холодильник всей грудью, приподнял, растянул губы, задрал брови, пятился к лестнице.

Дед спустился на несколько ступенек, поставил холодильник на пол.

- Ключу принеси.

Прокоп вернулся в квартиру, снял с ручки двери ванной ключу.

На лестнице загрохотал тяжёлый металлический предмет.

Прокоп выскочил из квартиры на лестничную площадку.

Дед ногой столкнул холодильник с лестницы.

Холодильник съехал по ступеням, ударился в стену.

Дед повернулся.

- Здорово придумал! Дед улыбался.

Прокоп запер дверь квартиры.

Дед спускал с лестницы холодильник.

Дед толкал холодильник ногой, холодильник тащился по полу, жёстко, коротко, гулко шикал, тёрся боком о кафельную плитку, холодильник гудел, скатываясь по ступеням, эхо грохотало в подъезде.

Дед держался рукой за перила, за стену, сосредоточенно смотрел на бок холодильника, выдыхал, когда толкал холодильник ногой.

Прокоп открыл дверь подъезда, Дед вытолкал холодильник на улицу.

На улице Дед встал у холодильника, присел к холодиль-

нику, подсунул пальцы под корпус.

- Берись, ставим к двери.

- У холодильника колёса есть.

Дед, снизу-вверх, взглянул на Прокопа удивленными глазами, выпрямился, обошёл холодильник, наклонился, крутанул колёсико пальцем.

- А я уже и забыл Берись, перевернём.

Дед и Прокоп перевернули холодильник, поставили холодильник на колёса. Дед скатил холодильник по ступеням крыльца, отвёз к двери мусоросборника, поставил на невысокие, плоские металлические ножки двигателем к стене.

Проходивший мимо худой мужчина с длинными волосами, одетый в тёмно-синюю майку с коротким рукавами, в джинсы, в босоножки на босу ногу, с сумкой через плечо, улыбаясь подскочил к нам, улыбаясь, издалека осмотрел холодильник.

- Выбрасываете? Мужчина переводил взгляд с Деда на меня, с меня на Деда, не глядя, расстегнул сумку, вынул из сумки пассатижи.

- Курочте. Дед, хромая, прошёл мимо мужчины.

- Спасибо, добрые люди! Мужчина подскочил к холодильнику, развернул холодильник боком к стене, схватился пассатижами за какую-то деталь.

Дед забрал у Прокопа свою клюку.

Дед и Прокоп подошли к автомобилю.

Дед открыл дверь, сел в автомобиль.

- Налетели, вороны. Дед, прищурившись, поверх очков, смотрел на мужчину, дёргавшего холодильник за какую-то деталь. - Всё. Завтра во сколько приедешь? Дед достал из кармана связку ключей, вставил ключ в замок зажигания.

- Часов в девять.

- Давай. Дед включил зажигание. Двигатель загрохотал, захрипел, захрустел, затарахтел.

- Всё. Я поехал. Дед закрыл верь, снял двадцать четвёрку с ручника, переключил скорость, расставил локти в стороны, вырулил-выехал на дорогу.

Из выхлопной трубы двадцатьчетвёрки вылетали клубы чёрного дыма.

Мужчина достал из сумки отвёртку, выворачивал винты из задней стенки холодильника.

В подъезде было тихо и прохладно, словно в отремонтированном, свежевыкрашенном чуланчике, в котором до Биг Бэнга жила природа городского человека.

Эхо шагов в пустом, прохладном подъезде с зеленоватым воздухом, эхо множилось, ударяясь в стены, летело вверх, к чердаку, в котором хранилось неизвестно что от неизвестно кого, и возвращалось музыкой Жана-Мишеля Жара.

Звон ключей и клацание дверного замка выключили музыку.

Эх, как же тиха, спокойна, плавна жизнь простого обывателя!

Выйдет обыватель за город, пройдёт сквозь лесополосу,

станет на опушке пригородного леса, оглянется вокруг. А перед ним поле, поросшее высокими, густыми, сочными, свежими травами, за ним густой, тенистый, смешанный лес, над обывателем синее небо и белые, безразличные ко всему, что дорого обывателю, самодостаточные облака. Идёт простой обыватель по полю, вдыхает пугливые ароматы трав, а в траве прыгают, ползают, летают, ползают, зелёные, красные, коричневые, белые, крылатые и покрытые длинными тонкими волосками такие разнообразные события, что жизнь прямо. Съест обыватель ягоду земляники, ягоду малины, невыносимо ароматную, терпко-горькую головку клевера, оглянется вокруг, а вокруг жужжат, стрекочут, шуршат, пищат, заливаются трелями над полем такие разнообразные события, а обыватель живёт себе в тихой, спокойной, плавной жизни, разглядывает события сквозь прищуренные от Солнца, загоревшие веки, то вздохнет всей грудью, то подняв лицо к облаку, из которого срываются на обывателя капли грибного дождя, улыбнётся тихой улыбкой, прикрывая лицо ладонью, словно прячет от Солнца. И события, которые обыватель и не сосчитает, не зависят от него, и ароматы, которые обыватель не схватит, летят во все стороны, а захочется обывателю чего-то горячего, тёплого, обжигающего, любящего, - и день, а захочется чего-то бездонного, безкрайнего, такого, чтобы взлететь и не вернуться, - и ночь.

И Глаз Дракона, видящий неизвестно что, заполненный сферами конструктивной интерференции, смотрит на обы-

вателя, понимая все его, обывателя, возможности и желания.

А обыватель живёт на поверхности динамической сферы, внутри динамического тора, созданного вращением Планеты вокруг Солнца, любит свою природу, вернувшись неизвестно откуда, и видит сны, которые и не будущее, и не прошлое, а неведь что.

Глава 2.

Городской человек, приученный к трудовой дисциплине, просыпается по выходным без будильника, открыв глаза, полежит на кровати, откинув одеяло, посидит на кровати, вспоминая сон, сходит в туалет, умывается, приготовит завтрак, может, разомнётся простыми упражнениями, посмотрит на часы, увидит, что время полдевятого, а ехать на другой край Москвы почти два часа, неспеша позавтракает, посидит за столом некоторое время, потому, что всё равно опоздал, соберёт в большую спортивную сумку приготовленные вещи, продукты, польёт цветы, закроет форточки, перекроет газ и воду, отключит холодильник, проверит по списку собранные вещи, вытащит из мусорного ведра полиэтиленовый пакет с мусором и выйдет из квартиры во двор дома, залитого Солнцем и дождевой водой после ночного дождя, выйдет со спокойной душой и в полной уверенности, что вещь, без которой жизнь городского человека на даче превращается в кошмар, эта вещь лежит в коробке с инструментом, шурупами и банками с краской.

Развёрнутый углом к стене, расцарапанным боком наружу, с раскрытой дверцей, тёмные, грязные пятна на дверце вокруг ручки, в верхнем левом углу дверцы, с торчащими из двигателя проводами и трубками, задняя стенка приставлена к стене, пустой и голый, холодильник стоял у двери в

мусоросборник.

Прокоп прошёл через двор, шёл по лужам, лежавшим на асфальте, обходил по мокрой траве лужи, лежавшие на тропинке, протоптанной по газону к мусорным бакам, стоявшим за трансформаторной будкой.

Вчерашний мужчина сидел на корточках перед горой книг, несколько книг лежали в луже, разлившейся под мусорными баками.

- Здравствуйте, добрый человек.

- Здравствуйте. Прокоп закинул пакет с мусором в бак.

- Смотрите, что выкидывают! И выкинули сегодня утром!

Смотрите, книги сухие! Мужчина перевязал стопку книг верёвкой, поднялся с корточек, положил стопку книг в огромную сумку, стоявшую рядом с лужей. - Сейчас таких книг не печатают. Смотрите, «Сказки для детей»! Так детские книги уже не иллюстрируют. Смотрите, школьные учебники, советские. Где Вы сейчас найдёте такие учебники!? Смотрите, какое издание! Мужчина перелистывал книги, показывал страницы книг, стоя на противоположном берегу лужи. - Главное в нашей жизни, - оказаться в нужном месте в нужное время!

- Удачи Вам.

- И Вам всяческих благ, добрый человек!

Природа городского человека, вернувшаяся неизвестно откуда под утро или через несколько суток, не обратившая никакого внимания на отсутствие жилья и удобств, заста-

вившая вспомнить о прошлых-препрошлых диких, свободных жизнях, весёлая, жизнерадостная, сверкающая глазами и крепкими зубами, природа городского человека ничему не удивлялась.

Городской человек, прислушиваясь к своей природе, всматриваясь, скосив глаза, в свою Природу, старался понять по интонации голосов каркающих ворон, по интонации голосов воробьёв, орущих в кусте сирени, по движению воздуха внутри своих лёгких, городской человек старался понять, старался ответить на свой сокровенный, единственный для всех и тайный для каждого, городской человек старается понять, что там, за пределом, за переходным пространством, отличающимся от нашего асимметрией областей притяжения вселенских постоянных, что там, откуда вернулась его Природа, вышвырнутая из чуланчика Биг Бэнгом.

Городской человек, воспитанный в коллективизме и стремящийся остаться в одиночестве на майские праздники, на день своего рождения, в самый неожиданный для знакомых и коллег день, чтобы рассмотреть свою природу, вернувшуюся из путешествий, городской человек, вырвавшись неожиданно для себя загород, в полуоткрытое множество городских удобств и природной свободы удивительной детской мечты о жизни на необитаемом острове, городской человек, слившись со своей природой и почувствовав отсутствие границ, увидев себя сидящим на развалинах чуланчика, увидев себя разглядывающим звезду одиннадцатой величины, по-

являющуюся ранней весной в небе над его загородным домом, городской человек даже не подбирает слова к тому, что понял. Городской человек только потрёт ладонью места на своём теле, там, где видел шрамы у своей природы.

Городской человек, стоя на автобусной остановке в один из последних апрельских дней, смотрел на раздевающихся девчёнок, вдыхал лёгкий, безответственный апрельский ветер.

Захлопнув свой чуланчик, в котором, прижавшись друг к другу, слившись друг с другом, не замечая друг друга, словно эхо разных мелодий, из-за пределов закрытого множества осторожно выглядывали неизвестные тени, привыкшие к существованию в ядрах звёзд.

Информация внешнего мира, отражённая стенами чуланчика, заставляет кости черепа вибрировать с некоторой частотой, и несколько простых законов, скитаясь внутри чуланчика, отражаясь от оболочки замкнутой, статичной сферы, дробясь на всё более мелкие и частные правила, превратив чистую, светлую пустоту в густую мглу, породили столько разнообразных и разноголосых событий, что городской человек и не заглядывает в свой чуланчик, только прислушивается к шорохам и шумам внутри своей головы.

Схлопнувшиеся после Биг Бэнга или другой катастрофы, замкнутые множества, лишённые возможности к росту и, следовательно, к развитию, поглощая не более двадцати процентов из всей доступной информации внешнего ми-

ра, существующего вокруг статичной сферы, замкнутое множество совершенствует свою структуру, уменьшая размеры элементов, которые существуют внутри замкнутой сферы в прошедшем времени.

Для внутренних элементов замкнутой сферы существует жёсткая иерархия приближения к оболочке, только прошедшее время и редкие, небольшие проблески чего-то, что и назвать нельзя не одним словом, хотя, элементы замкнутого множества могут придумать несколько названий для времени. Внутри замкнутого множества накоплением информации является усложнение структуры пространственного расположения элементов при упрощении строения элементов множества. Внутри замкнутой сферы время существует только для элементов, приближенных к оболочке. Внутри статичной сферы вибрации, рождённые оболочкой при соприкосновении с внешним миром, формируют внутренние качества в стабильные, статичные подмножества, которые располагаются в строгом порядке. Статичная симметричность структуры замкнутого пространства, конгруэнтная строению Вселенной и предсказуема. Внутренняя жизнь такой сферы выстраивается согласно нескольких законов, один из которых закон де Ситтера, и самые удалённые от оболочки элементы замкнутого общества обычно считают себя самыми значимыми фигурами, потому, что некоторые из них, достигнув некоторых глубин бытия, могут воспринимать отсутствие времени как приближение к Вечности и к тому,

что никак не называется, потому, что в действительности их от Вечности отделяет один шаг и силы гравитации, воплощённые в живых существах в эгоизме. Статичная, не расширяющаяся сфера поглощает из внешнего мира недостаточное количество информации для развития и, в большинстве случаев, полностью переваривает полученную информацию. Мечты такого общества, - машина времени, свобода и рай. В таком обществе Биг Бэнги предсказуемы, предотвращаются или беспощадно подавляются, хотя и создают условия для роста и развития некоторых элементов, которые всё равно со временем становятся неотличимы от остальных элементов. А остальных элементов такое разнообразие, что любой из элементов замкнутого множества может выбрать для дальнейшего существования любую форму и остаться в обжитом пространстве, ожидая воплощения в высшей из форм, приближенных к пределу множества.

Каменные блоки, из которых городской человек строит стены своего чуланчика, в реальности не каменные блоки. Пространства переходят друг в друга постепенно, сохраняя соотношения постоянных, определяющих существование пространств и переходное пространство может представлять пространство, созданное теми же постоянными, что и наше Вселенная, но с несимметричными областями притяжения к постоянным. Городской человек может представить переходное пространство, но пространство, находящееся за пределом и созданное другими постоянными, городской че-

ловек представить уже не может.

Природа городского человека, вернувшись на развалины чуланчика, побывав там, куда стремятся все мудрецы всех времён, ничего не объяснит, потому, что ей положить. Если городскому человеку повезёт, и он каким-то образом сумеет удержать внутри себя свою природу, внутри городского человека пространство с большей мерностью свернётся в точку. Внутри точки все пропорции и мерности сохраняться, но живые существа, живущие внутри пространства большей мерности, могут наблюдать искривление пространства, а проявлением во внешнем мире пространства большей мерности, угодившим внутрь городского человека, будет плоское сечение в виде тени в чуланчике или карты московского метрополитена.

Городской человек любит в жаркий летний день погулять по прохладному перрону станции метро, а в морозный зимний вечер погреться, катаясь по кольцевой линии. Метро для городского человека, - это колодец для дачника, спускаешься под землю на одном краю города, а выходишь на другом краю, если и не Вселенной, то на краю, отличающимся от родного микрорайона. Метро для городского человека, - это домашняя машина времени. Катается городской человек в метро, осматривает станции, построенные в прошлом веке и уноситься в своих мечтах так далеко, что пролетает прошлый век, словно и не жил никогда при Советском Союзе. Если и не жил, то, свободный от предвзятостей воспитания,

улетает ещё дальше. И природа городского человека, сидящая в статичном чуланчике, не обезображенном Биг Бэнгом, носиться по чуланчику, стараясь справиться с чувствами и дифракциями, разрывающими природу в безформенное облако, звучит всеми известными городскому человеку мелодиями, отчего городской человек чувствует себя если и не родителем, то автором.

Природа городского человека, растерзанная в облако воспоминаниями городского человека, природа городского человека, потеряв все границы и пределы от чувств, ставшая воздушной, сорвав все резьбы и крыши, природа городского человека, став открытым множеством, духом, просочившись сквозь каменные блоки законов и правил, словно растительное масло, улетает то ли вверх, то ли незнамо куда, увлекая за собой и чуланчик, в котором городской человек хранит свой жизненный опыт, в который городской человек вцепился изо всей силы, поднимает всё, то ли выше, и городской человек, взглянув, то ли вниз, видит под собой Планету с осью вращения, наклонённой относительно экваториальной плоскости вращения Планеты вокруг Солнца, с осью вращения, размазанной прецессией, словно радиальные линии на карте московского метрополитена, по которым одновременно в двух противоположных направлениях движутся большие массы магнитного вещества. Большое количество металлических предметов и катушек индуктивности большой массы и мощности,двигающиеся одновременно по за-

мкнутой траектории в двух противоположных направлениях, большие массы вещества увлекают за собой эфир, создавая тороидальный тоннель, с электрическими зарядами, равномерно распределёнными по поверхности тора. А по поверхности Планеты, по городским проспектам и по Садовому кольцу, движутся в двух противоположных направлениях автомобили и пригородные электрички.

Большие массы вещества, поезда в метро, автомобили и электрички на поверхности Планеты, двигаясь одновременно в двух противоположных направлениях, словно сферы с положительным и отрицательным коэффициентами кривизны, объединённые в волчке, создавая импульс электромагнитной индукции, незаметный на поверхности Планеты, но раздвигающий энергии, ставшие декорациями на пути городского человека к своей мечте одиннадцатой звёздной величины, большие массы вещества увлекают за собой эфир, придающий их движению дополнительную инерцию, создают импульс электромагнитной индукции, направленный в ту сторону, в которую городской человек мечтает, если и не улететь, то двигаться, не спеша, и с комфортом.

Городской человек возвращается в себя, подъехав к станции, выходит из вагона метро и по просторному перрону, продуваемому прохладным воздухом, пряча от внимательных взглядов горожан свои глаза, идёт к выходу, прижимая к своей груди чуланчик с неизвестными тенями, быющими в истерике от полёта в невесомости.

Природа городского человека, став открытым множеством и двигаясь по прямой линии, по поверхности тора, вращающегося вокруг своей оси, природа городского человека движется по траектории, сдвигающейся в сторону вращения тора и не возвращается в точку начала координат, оставив неизвестные тени наедине с самим собой, движется, создавая пучок траекторий, который создаёт вокруг городского человека область притяжения причины.

Окружённый своей природой, размазанной вокруг него по временам, городской человек, выйдя из метро, видит себя не на противоположной окраине родного города, не в микрорайоне, в котором живут его родители, а на далёкой, светлой, родной планете, на которой Солнце не жжётся, воздух приятный, нежный и прохладный, люди если и не красавицы с красавцами, то симпатичные и приветливые.

Горожане, не отягощённые высокими предрассудками и утончённой кармой, хранящие свой чуланчик от лишних взглядов, не потому, что в их чуланчиках спрятано что-то, что стыдно вынести на свет, а потому, что их природа, лишённая высоких стремлений, корявая и безхитростная, не отличающаяся от пригородных деревьев, среди которых прошло детство горожан, с точки зрения простолюдинов не создана для показа и любований, поэтому спокойные и, на первый взгляд, несколько безтолковые, горожане, не задумываясь о последствиях своих поступков, привозят к станциям метро цветы со своих дачных участков, выстраиваются в ко-

роткие шеренги, выставив перед собой вёдра с цветами.

Природа пригородного человека, корявая и застенчивая, смущаясь показаться на фоне высоких, стройных, плоских фасадов современных зданий, присмотрев себе букет из нескольких садовых роз, листья которых меньше других изъедены насекомыми, тихо вздохнув внутри чуланчика, уходит за неизвестные тени, чтобы не всколыхнуть и не воспоминания, а так, еле слышимые, словно аромат роз, выросших под открытым небом, не то, чтобы чувства.

- Розы сколько?

- Эти по тридцать, эти по пятьдесят.

- Выбрать можно?

- Выбирайте.

- Эти сколько?

- Эти по семьдесят.

- Вчерашние?

- Оранжевые.

Прокоп вытаскивал из букетов, обвязанных бумажным скотчем, вытаскивал из букетов, прижавшиеся к друг другу, цепляющихся друг за друга, листьями и стеблями, стряхивающие друг на друга сверкающие капли воды, не сопротивляющиеся розы с нераскрывшимися, небольшими, за пятьдесят, чуть больше, бело-розовыми бутонами, розы за семьдесят вздрагивали лепестками полураскрывшихся, больших, бардовых бутонов.

- И траву, пожалуйста. Нет, с белыми цветами.

Продавщица вытащила из третьего ведра два стебелька травы с крохотными белыми цветами.

- Завернуть?

- Нет.

- Может, стебли обвязать? Продавщица вынула из кармана фартука блестящую, цветную переливающуюся тонкую ленту.

Прокоп достал деньги, отсчитывал триста двадцать рублей.

- Пожалуйста.

Прокоп подставлял продавщице концы стеблей, продавщица обвязала стебли роз красивой лентой, отдал продавщице деньги.

- Спасибо.

- Вам спасибо. Подходите ещё!

Азимут улицы прям. Бульвар, указывает на юго-юго-запад, - в сторону Крыма, Эфиопии и озера Чад.

Высоко Солнце поднялось над бульваром.

Высотки, построенные по сторонам улицы напротив друг друга, словно Оракулы указывали направление неизвестным путешественникам. Высотки стоят пределом, оттеснив панельные девятиэтажки от короткой, широкой улицы, указывающей направление к летнему Солнцу. Высотки, построенные при Советом Союзе по технологии братской ГДР, по технологии, подогнанной под ГОСТы, высотки, в которых были реализованы передовые архитектурные и дизайнерские

идеи предпоследнего десятилетия XX века, с лучшими лифтами, улучшенной планировкой квартир, высоты простояли четверть отпущенного срока. Голубая облицовка восьми двадцатипятиэтажных башен и белый цвет рёбер первого этажа, белый цвет балконов, создают иллюзию лёгкости зданий.

Две дороги, - проезжая часть по сторонам бульвара и тротуары, - асфальтированное дно зелёного бульвара, отхлынувшего от высоток, от железного забора перед гаражами. Дорожки, - тропинки, залитые асфальтом, пересекают бульвар. Деревья, выросшие на бульваре, на месте засыпанного, глубокого оврага, серебристы, густы, самоуглубленны и не выдают мальчишеских тайн. Железный забор, поставленный вокруг затопленного котлована, выкопанного лет шесть назад в начале бульвара, за автомобильной стоянкой, отремонтирован.

Живой уличный гул, живой ветер, живые кусты и деревья накатываются к подножию высоток и застывают зелёной, металлической пеной. Зелёные гаражи, стоящие вдоль тротуара за зелёным сетчатым забором, перед одинаковыми зданиями, невидны за кустами боярышника и черноплодной рябины.

Играют на детской площадке дети. Крокодил, потерявший вечность, вынесенный волной к подножию высоток и брошенный на мели, замер с глупым выражением морды, прижатой к земле, к густой траве, за автобусной остановкой на газоне перед клумбой.

Короткая улица, метров пятьсот, широкая, словно проспект столичного города, глубокая, верхушки двадцатиметровых берёз тянулись вверх из оврага, когда засыпали овраг строительным мусором и глиной из котлованов, улица, построена на остатках сломанных чуланчиков.

Левый поворот, объезд разрисованной трансформаторной будки, поворот направо, мимо цветочных клуб, разбитых под зеркальными, витринными стёклами окон первого этажа. Номер домофона забыл. Около подъездной двери простоял минуты две. Покрашены лаком выцветшие от дождя под Солнцем, изрезанные перочинными ножами рейки на сидении и на спинке лавочки с литым, витым чугунным каркасом, стоящей справа от подъездной двери. Писклявый замок щелкнул, и из-за края приоткрытой двери выглянула девчёнка в шортах, в майке, в кроссовках, с полупрофессиональным цифровым фотоаппаратом, висящем на девчёночьей шее. Руки толкали подъездную дверь, руки тянулись к фотоаппарату, руки подталкивали девчёнку в спину. Разноцветные майки, разноцветные легинсы, разноцветные кроссовки, распущенные, русые, чёрные волосы, голубые и карие раскрытые глаза. Семь рук, одна рука на фотоаппарате, вытолкнули подъездную дверь. Туга пружина подъездной двери.

- Здравствуйте! Одна из девчёнок смотрела Прокопу в лицо.

- Здравствуйте.

Три подружки окружили девчёнку, отнимали друг у друга фотоаппарат, висящий на ремешке, впившемся в тонкую шею.

- Сразу покажи! Ну и что, что не получились!

- Сейчас ещё сфотографирую! Девчёлка прижимала фотоаппарат к груди, отталкивала руки.

Прохладный воздух подъезда, - продолжение прохладного ветра, дующего вдоль улицы, словно для ветра в пространстве этой улицы существовало только одно направление, словно ветер летел внутри полуоткрытого множества, словно где-то, не то на севере, есть выход сквозь невидимые пределы.

Прохладный воздух подъезда, словно истинный вакуум, медленно втягивал дверь. Прохладный воздух подъезда замер, перемешанный людьми, дверьми, лифтами. Прохладный воздух подъезда, отделённый от уличного ветра бетонными стенами, со стоическим терпением возвращался к начальной структуре. Воздух, согретый в лифте до температуры тела, незаметен. Внутри скоростного лифта закладывает уши и желудок, сохраняя координаты своих точек, давит на кишечник.

Прокоп позвонил в дверь, закрывающую вход на половину этажа. Позвонил второй раз. Рифленое дверное стекло перемешивает свет и превращает в расплывшиеся пятна коробки и предметы, выставленные соседями у дверей квартир. Дверь квартиры открылась, и расплывшееся, расплыва-

ющеся по неровной поверхности рифленого стекла, заслоняя светлое пятно окна, пятно тёплого оттенка зашаркала подошвами тапок по кафельной плитке пола длинного коридора.

Бабуля открыла, распахнула дверь.

- Здравствуй, Бабуля! Прокоп вошёл в коридор.

Бабулин букет цеплялся листьями и колючками за второй букет и колючки рвали листья на букете, когда доставал букет из пакета.

Бабуля отпустила дверь, дверь хлопнула, замок щёлкнул.

- Здравствуй, родный мой.

- Бабуля, это тебе. Прокоп протянул к Бабуле букет.

- Проша, я же просила, чтобы ничего мне не покупал! Бабуля смотрела на розы, взяла двумя руками букет. - Чтобы не тратил на меня свои деньги! Бабуля поднесла розы к лицу, понюхала, взглянула на Прокопа поверх букета. - Лучше килограмм яблок купи, или апельсинов.

- А ты бодрая, живая, в новом халате. И новая причёска.

Прокоп обнял Бабулю, поцеловал в щёку.

Бабуля прижалась щекой к щеке Прокопа, обняла Прокопа за талию.

Обнявшись, Бабуля и Прокоп, шли по коридору к квартире.

В торце коридора, под окном, вокруг старого стола и двух старых кресел, стояли горшки и кадки с цветами. Эхо шагов летало по коридору, подлетало к окну, выглядывало на

улицу, наступала на землю в горшках, возвращалось, любясь своими пальцами на ступнях ног, к которым прилипла мокрая земля, нюхала розы и летело к входной двери, вылетало сквозь рифленые стёкла, расплываясь на неровностях безформенными пятнами.

- Халат старый, давно не надевала, и причёску на прошлой неделе сделала. Бабуля прижала ладонь к волосам.

- Как поживаете? Как твоё здоровье? Дедуля где?

- У машины с утра. Ты его встретил?

- Я же с другой стороны дома шёл.

Бабуля и Прокоп подошли к квартире. У двери квартиры, поставленные одна на другую, стояли картонные коробки, приготовленные для дачи. Прокоп толкнул дверь, Бабуля вошла в квартиру, повернулась за порогом.

- Заходи. Бабуля ушла на кухню.

Прокоп вошёл в квартиру, поставил за дверью свою сумку, снял кроссовки.

- Ольга дома?

- В магазин ушла.

Прокоп вымыл руки, умылся, прошёл в комнату.

Кошка лежала на диване, на бабулином месте.

Бабуля поставила розы в вазу, поставила вазу на кухонный стол, сидела на кухне.

Прокоп прошёл на лоджию, выглянул на улицу.

Дед копался в двигателе автомобиля.

Прокоп прошёл на кухню, сел на ольгин стул.

- Пока Дед у машины, давай, перекуси. В холодильнике творог, рис на плите в кастрюле. Накладывай, сколько хочешь. Чай сам заваривай.

Прокоп встал со стула, подошёл к полке над раковиной, взял миску с ложкой, кружку, поставил на стол, пошел к холодильнику, достал из холодильника полиэтиленовый пакет с развесным творогом, положил творог в миску, подошёл к холодильнику, положил пакет с творогом в холодильник, подошёл к плите, снял крышку с пятилитровой кастрюли, взял кастрюлю, подошёл к столу, положил в миску риса, поставил кастрюлю на плиту, сел за стол.

- Пироги бери, сзади тебя, на серванте. Оля пекла.

Прокоп привстал, обернулся, достал из-под полотенца, укрывавшего блюдо с пирожками, два пирожка с картошкой.

- Дед странный стал. Бабуля смотрела на Прокопа.

Прокоп перемешивал в миске рис с творогом, долил молока из пакета, стоявшего на столе, насыпал сахара из сахарницы.

- Да, ну, нормальный.

- То одно, забудет, то другое. Ничего не записывает, выпендривается, словно ему тридцать лет.

Прокоп ел рис с творогом.

- То несёт ерунду какую-то.

- Телевизор, наверное, смотрит. Я же вам говорил, что смотрите только фильмы про любовь и спортивные передачи, а он, наверное, про историю страны, да новости.

Кошка прыгнула с дивана, вышла на лоджию, потянулась, царапала когтями раму балконной двери, запрыгнула на подоконник, легла у раскрытого окна, у сетки, натянутой на раму.

Бабуля встала, подошла к кухонному шкафу, открыла, достала пачку растворимого кофейного напитка, вернулась к столу, насыпала в свою кружку две столовую ложки кофейного напитка.

- Глядя на тебя. С пирогами выпью. Бабуля поставил коробку с кофейным напитком на стол. - Насыпай себе.

Прокоп насыпал в свою кружку кофейного напитка, принёс чайник с плиты, налил в кружки кипятка, поставил чайник на плиту, взял с серванта блюдо с пирожками, поднёс Бабуле. Бабуля выбрала три пирожка с мясом.

- Дед руки уже не поднимает. У него всё тело болит. Помог бы ему, подольше бы на даче пожил.

- Бабуль, я работаю. Не могу.

- Ты уже третий год без отпуска, отпуск бы взял, всех денег не заработаешь, а мы с Дедом не вечные.

- Да, ну, Бабуль, вам долго жить.

- Ну, дай то Бог.

- Ты почему на дачу не поехала?

- Прихватит, вот так, так, «скорую» не вызывать. В прошлом году всю неделю пролежала, а «скорая» приехала только на следующий день, сделали укол, измерили давление и уехали. Дед отвозил меня в Москву.

- В этом году ты выглядишь лучше, чем в прошлом.

- Так по телевизору с Ольгой смотрю только одни фитнес-бикини. Жопки бразильские, жопки азиатские, жопки Ольгиных учениц. Дед, тот вообще, краснеет на первой минуте. Вот и я туда же. Ежедневно тренируюсь. На, - Бабуля положила на угол стола, у локтя Прокопа, телевизионный пульт. – включай.

- Не хочу. Ольга замуж собирается?

- Встречается с одним. Договорились, что приведёт, когда вы с Дедом вернётесь.

- Кто он?

- Говорит, что в какой-то редакции работает, тренируется вместе с ней.

- Семён приезжает?

- Его, как и тебя, не дозовёшься. А сейчас они участок купили, так и вообще, только на день рождения.

Замок входной двери щёлкнул, кошка спрыгнула с подоконника, пролетела через комнату в коридор.

- Дед пришёл. Бабуля развернулась на стуле к двери.

Дед топтался в прихожей, что-то бубнил ласковым голосом, прошёл в ванную.

- На прошлой неделе Дед чуть с ума не сошёл. Бабуля замолчала, смотрела в лицо.

- Что случилось?

- Сначала пропала кошка. Проискали весь день. И в квартире, и в коридоре. Думали, что всё, убежала. Утром Ольга

выносила мусор, слышит, за цветами кто-то возиться, отодвинула стол от батареи, а она там! Сутки просидела за столом! Вся в паутине, в земле! Дед её вымыл, чуть в задницу не целовал. А вечером Деду звонят из ГАИ: «Ваше фамилия, имя отчество такие-то? Дед говорит, что такие. Номер Вашей машины такой-то? Дед говорит, что такой-то. Вы нарушили правила уличного движения. Где!? Сегодня днём на Каширском шоссе. Совершили столкновение на иномарке. За рулём сидела Ваша дочь. Дед говорит, да вы что!? У меня ГАЗ-24! У моей дочери мотоцикл, и она весь день стирала вместе женой!» ГАИшники извинились, сказали, что проверят данные и перезвонят. Перезвонили, извинились, а Дед весь день не знал куда деться. Кошка пропала, из ГАИ позвонили, он вечером наглотался своих таблеток, а в пять утра уже проснулся.

Дед выключил в ванной воду.

Бабуля встала из-за стола, поставила на стол тарелку, блюдо с пирожками, включила плиту, достала из холодильника сковороду, поставила на конфорку.

Дед вышел из ванной, хромая на правую ногу, выставив вперёд левое плечо, вошёл на кухню, наклонив голову, губы растянуты, белый лоб собран в морщины, смотрел сквозь стёкла очков горячечными, колючими синими глазами.

Прокоп встал со стула.

Дед притормозил, подшагнул, остановился в полушаге от Прокопа, протянул дрожащую, холодную, большую кисть,

пальцы с распухшими суставами.

- Здорово.

- Здравствуй, Дедуля.

Дед отпустил мою руку, обошёл стол, сел на свой стул, поправил очки, положил перед собой на стол руки, сплёл пальцы.

- Сейчас погрузим коробки и, я там приготовил, и поедем.

Проговорил Дед хриплым, плоским голосом.

- Есть будешь?

Дед внешней стороной кисти отодвинул к окну вазу с розами.

- Я поел, спасибо.

- Поешь сначала и ляг, отдохни, всё утро с машиной провозился. Бабуля сняла с конфорки сковороду. - Подливки сколько лить?

- Всё! Всё! Дед оттолкнул от себя сковороду.

- Суп постный. На, сам наливай. Бабуля поставила на стол перед тарелкой Деда кастрюлю, села к столу на свой стул, внимательно осмотрела вазу с цветами.

Дед, привстав над стулом, спина прямая, навалившись грудью на руки, лежавшие на столе, Дед смотрел куда-то в стену.

- Чай завари. Дед медленно садился на стул, взглянул на меня.

- Заварил уже.

- Кипятку долей.

Прокоп встал, подошёл к плите, включил под чайником конфорку, встал у плиты.

- Телевизор включи. Кончиками пальцев Бабуля подтолкнула пульт к половине стола Прокопа, положила руки перед собой, правую ладонь на левую кисть, смотрела туда же, куда и Дед, куда-то в стену.

- Там смотреть нечего.

Дед наливал в тарелку суп.

- Дай, дай сюда. Дед накрыл кастрюлю крышкой, поставил кастрюлю Бабуле под локоть.

- Кастрюлю куда поставил! Хочешь суп с пола хлебать!?

- Дай мне пульт! Дед протянул над кастрюлей руку с дрожащей кистью.

Бабуля встала, переставила кастрюлю на плиту.

Дед, губы растянуты, побелевший лоб собрался в складки, привстал, навалившись телом на левую руку, дотянулся до пульта, пальцами подтянул пульт, схватил, медленно сел на стул.

Прокоп выключил конфорку под чайником.

Бабуля села на свой стул.

Дед включил телевизор.

Прокоп наливал в заварной чайник кипяток.

Кто-то вошёл в квартиру.

Бабуля развернулась на своём стуле лицом к двери.

- Оля пришла.

Прокоп поставил чайник на плиту.

Ольга вошла на кухню, несла в руках два пакета, набитых продуктами.

- Здорово, племянник!

- Здравствуй, Оленька!

Ольга поставила пакеты на кухонный стол.

Мы с Ольгой обнялись, Прокоп поцеловал Ольгу в щёку, Ольга погладила Прокопа по бритой голове, словно ерошила волосы.

- А ты вырос! Ольга осмотрела Прокопа с головы до ног.

- Масса форева. От тебя глаз не отвести.

- Оля, садись, поешь с отцом!

Ольга открыла холодильник.

Прокоп вышел в прихожую.

- Кто же такие цветы купил?

- Прокоп. Я ему говорила, чтобы не тратил на меня деньги, а он цветы подарил.

- Корм купила? Дед переключал каналы, но на экране телевизора включалась одна и та же картинка с соревнованиями по фитнес-бикини.

- Две коробки, вот, кладу на обычное место.

- Не отключу никак! На, отключи! Оля, отключи свои соревнования!

- Давай. Бабуля взяла у Деда пульт, выключила видеоманитовон, отдала Деду пульт.

Дед переключил телевизор на новости.

Прокоп ждал Ольгу в прихожей. Прокоп держал в руке

букет роз.

Вещь, без которой жизнь на даче превращается в настоящую катастрофу лежала в третьем ящике кухонной тумбы, тумба, на которой стояла хлебница, стояла справа от плиты.

Дед достал из хлебницы пакет с хлебом, развернул пакет, медленно вынимал из пакета отрезанные куски, рассматривал каждый кусок, складывал отрезанные куски хлеба на стол у своей тарелки.

- Мать, будешь хлеб?

- Я с пирогами. Ты куда столько накромсал!? Ольга же пирогов напекла!

- Как же хлеб не есть!? Это же хлеб! Хле-еб! Дед потряс над столом куском хлеба. - Оль, ты будешь хлеб?

Ольга хлопнула дверцей холодильника.

- Она на «сушке».

- Дочь, ты на «сушке»?

- Я всегда на «сушке».

- Как же хлеб не есть!? Дед положил пакет с буханками в хлебницу. – Что, на твоей «сушке» можно? Мать без «сушек» была, глаз не отвести. Дочь, ты куда?

- Руки мыть.

Ольга вышла в прихожую, увидела меня с букетом роз, остановилась у дверей ванной, включила в ванной свет.

Ольга пахла холодной сосновой смолой и ещё чем-то, чего хотелось. Ольга пахла холодным ручьём.

- А ты что спрятался? Ольга развернулась к Прокопу.

- Я не прятался. Прокоп шагнул Ольге навстречу. - Оль, это тебе.

Ольга пошла на Прокопа, быстро, всем телом, словно на подиуме.

Прокоп прижал букет к груди, остановился посреди прихожей.

Ольга стала, словно прошла сквозь невидимую плёнку, стал перед Прокопом, отставила ногу.

- Это тебе. Прокоп протянул Ольге букет.

Ольга взяла букет, понюхала, смотрела на Прокопа над цветами.

Прокоп взял Ольгу за талию, потянул к себе.

Ольга отклонилась, толкала Прокопа рукой в плечо, розы и трава щекотали шею.

Своими железными пальцами Ольга схватила Прокопа за нос, сделала сливу.

Слёзы полились у Прокопа из глаз, Прокоп открыл рот, чтобы вдохнуть.

- Оль, я же тебя люблю! Слёзы лились у Прокопа из глаз, размывали контуры ольгиного лица. Ольгино лицо дрожало, разбивалось на отдельные элементы, расплывалось.

- Весь в своего отца. Ольга улыбалась, но смотрела серьёзными, спокойными глазами.

- Никто не сравниться с ягодицей твоей! Пропел Прокоп гнусавым голосом, дёрнул головой.

Ольгины пальцы соскользнули с носа Прокопа.

Прокоп глубоко вздохнул, громко шмыгнул носом.

Ольга вытерла свои пальцы о джинсы Прокопа, обернулась к двери на кухню.

Дед хлебал суп, гремел ложкой, шмыгал носом.

Прокоп достал носовой платок, вытер нос.

Ольга повернулась к Прокопу, рассматривала его носовой платок.

- Ладно, можешь поцеловать. Ольга прошептала, повернула голову, подставила шею.

Прокоп провёл ладонями по её спине, от плеч, по сказочно красивому изгибу поясницы, провёл ладонями по ольгиным ягодицам, поцеловал в шею под ухом.

Ольга оттолкнула Прокопа.

- Всё.

Прокоп убрал руки с её талии.

Ольга ушла в свою комнату, несла букет перед собой в обеих руках, рассматривала бутоны.

Дед отодвинул стул, ложка звякнула по тарелке.

- Что со страной сделали, гады!

Прокоп смотрел вслед Ольге.

Дед зашаркал ногами по линолеуму, прошел к раковине поставил в раковину тарелку. - Ты чего там стоишь!? Дед замер, прислушался. - Ольга где!?

- В своей комнате. Прокоп прошёл на лоджию.

Кошка лежала на подоконнике лоджии перед сеткой, натянутой на раму.

- Куда не сунься, одно ворьё, одно ворьё! Дед достал из сушилки вторую тарелку, вторую ложку, прошёл к плите, загремел крышкой от кастрюли. - Всю страну по косточке перепродали! Дед накладывал в тарелку рис. - Уничтожил бы всех, - сказал Дед страшным, влюблённым голосом. - Ещё и эти, революционеры! Дед бросил тарелку на стол. - Народ успокоился, вроде, что-то получаться стало, и они, тут, как тут! Дед подошёл к холодильнику, открыл холодильник, достал пакет молока. - С ними не сюсюкать надо, с бандитами, а пачками сажать! Дед подошёл к столу, налил в тарелку с рисом молоко. - Ты смотри, что творят! Дед поставил пакет с молоком на стол, громыхнул стулом, сел за стол. - Народ на бунт подбивают, а сами, чуть что, за границу! Понавезли этих, по-другому народ стимулировать фантазии не хватило! Заводы уничтожили, землю убили, новых заводов не строят, те, что есть бросили, а сами всё из-за границы привозят, торгаши! А эти всю страну оккупировали! Молодняк хернёй своей травят!

Дед сидел, расставив локти, ел рисовую кашу с молоком. Бабуля, притихшая, словно улитка, осунувшаяся, отщипывала от пирожка, запивала маленькими глоточками, беззвучно ставила свою кружку на стол.

- При Советах реки поворачивали, плотины строили, столько земли затопили! А эти, свою Амударью всю выпили! От Арала одна соль осталась! Климат, - не пойми, что! Нефть качают, трубопроводов столько протянули, что тру-

бами климат испортили! Танкеры ломаются, трубопроводы лопаются, и сами же в море купаются! Из земли нефть выкачали, руду выкопали, теперь, вот, города под землю рушатся! Рыбу в Охотском море всю уже выловили! Ничего, лопнет терпение у Земли! Дед выскоблил ложкой тарелку, собрал все крупинки, съел.

- Прокопий! Этих в Долгопрудном много?

- Плюнуть негде.

- Демократия всё ваша буржуйская! Чай иди пить!

- Налей, пусть остынет.

Солнце находилось на расстоянии в одну астрономическую единицу от Земли. Короткая, широкая улица указывала на Солнце. Улица указывала на парк, на МКАД, на аквапарк, на остатки оврага, но над улицей висело Солнце, и улица указывала на Солнце.

Улица была длинной. Улица начиналась в соседнем микрорайоне и тянулась почти до МКАДа, но, отрезки, на которые была разбита улица, назывались по-разному, и короткий отрезок, от метро до аквапарка, считался самостоятельной улицей.

Деревья, выросшие вдоль железной ограды гаражей, на узкой полоске голой земли между автомобильной стоянкой перед домом и железной оградой гаражей, закрывали тротуар, закрывали гаражи от окон дома, деревья тянулись вверх, их верхушки заслонили проезжую часть, бульвар, и дорогу на противоположной стороне бульвара.

Люди, проходившие по тротуару, автомобили, проезжающие по проезжей части, превращённые деревьями в независимые цветные пятна, собирались в свои привычные формы в свободном воздухе, не заполненном ветвями и листьями.

Автомобиль Деда, припаркованный на стоянке, не прикрытый тенью, грелся на Солнце.

Перед автомобилем, по горячему асфальту прыгали воробьи.

Кошка лежала перед сеткой на подоконнике лоджии, наблюдала за двумя воробьями, сидевшими на железном подоконнике.

Туча плыла по краю неба, под Солнцем, мимо, на запад.

Редкие капли падали из края тучи вниз, метили горячий асфальт, словно жёсткие крылья божьей коровки.

Дождевая капля ударила воробья по клюву, разбилась-разлетелась.

Воробей кивнул головой, шарахнулся в сторону.

- Чилинь! – сказал воробей, покрутил головой и продолжал клевать кашу.

Каши было много, целая столовая ложка.

Воробей наелся и кормил птенца, орущего во всё горло. Птенец тряс крыльями, раскрывал клюв, наезжал на воробья.

Воробей накормил птенца.

Воробей и птенец сидели на подоконнике.

Воробей крутил головой, птенец клевал носом, полупро-

зрочной плёнкой закрывал глаза.

- Чилинь. – сказал воробей. – Чикилири!

- Чилинь. Сквозь сон ответил птенец.

Воробей прыгнул с подоконника.

Воробей пролетел в свободном падении метра полтора, раскрыл крылья, улетел к котловану.

Птенец дремал.

Птенец очнулся, покрутил головой, заорал во всё горло и, сломя голову, бросился за воробьём.

Котлован был не глубоок и до половины залит мутной водой. Котлован был не так глубоок, как засыпанный овраг, на месте которого был вырыт котлован. Котлован был глубиной в два подземных этажа. Котлован был вырыт у метро, за автомобильной стоянкой. Берега котлована заросли ивой, густой камыш стоял вдоль берегов.

В котловане купались собаки.

В котловане жили головастики и лягушки.

Воробьи, голуби, сороки, вороны пили из котлована воду.

Солнце грело в котловане мутную воду.

Подземная река, которая протекала под землёй, по дну оврага и вытекала в парке, перед аквапарком начиналась на вершине холма, с которого спускалась короткая, широкая улица, под фундаментом торгового комплекса.

Русло подземной реки на просевшем газоне бульвара обозначено густой травой и глубокой лужей.

Вокруг лужи, вдоль подземного русла, росли ивы.

Ивы были почти такого же цвета, как Ольгин халат.

Ольга вошла на лоджию, встал рядом с Прокопом, смотрела на бульвар, гладила кошку.

Кошка вытянулась на подоконнике.

На экране телевизора, под мелодичный хард, горнолыжники неслись по склонам гор.

Дед встал из-за стола, схватил Бабулю, и они танцевали на кухне.

- Когда у тебя соревнования?

- Почти каждую неделю.

Ольга промолчала.

- Серьёзные скоро?

- В ноябре.

Ольга молчала.

- Успею. Твои, когда выступают?

- Они все замужем.

- Пригласительный достанешь?

- Билет купишь.

Прокоп промолчал.

- Семён приезжает?

Ольга сжала плечо Прокопа, мяла плечо, улыбалась, смотрела добрыми глазами то на плечо, то в лицо.

Дед с Бабулей, упали на стулья. На экране телевизора появились титры, начался телесериал.

- Соскучился по брату?

- Интересно, как он.

- Участок купил, дом начал строить, приезжает только на дни рождения.

Ольга отпустила плечо Прокопа, повернулась к бульвару.

- Ты почему не женишься?

- Учёл ошибки старших товарищей.

- Твой отец, где сейчас?

- Копьё ломает.

- Он с твоей матерью встречаются?

- Приедут ко мне, сядут, обнимутся и шепчутся.

- У них есть что?

- Папуля не хочет. Говорит, что затрахают друг друга до самой соли, а соль у них получается взрывоопасной.

Ольга обняла Прокопа, прижала его бритую голову к своей груди, поцеловала в затылок, отпустила, погладила по голове, словно ерошила волосы, улыбалась, смотрела Прокопу в глаза сияющим взглядом.

- Соль ты наша взрывоопасная. Пошли чай пить!

Дед, локти вколочены в стол, в одной руке кружка с чаем, в другой руке пирожок, Дед медленно подносил пирожок ко рту, медленно откусывал, жевал, задумчиво всматривался в экран телевизора, медленной подносил ко рту кружку с чаем, сжав губы в трубочку притрагивался губами к краю кружки, зажимался, шумно втягивал чай, открывал глаза, смотрел задумчивым взглядом, медленно жевал пирожок.

- Что у тебя с носом?

- Высморкался неудачно.

- Ольга, что ли, помогала!?

- Дед, ты ругаешься такими словами, каких не знают даже тролли восьмидесятого уровня! Но людям в телевизоре на твои слова с прибором! От твоей ругани страдают только твои близкие!

Дед сложил губы в трубочку, шумно втянул чай, не закрыв глаза, медленно убрал кружку, скосил на Прокопа глаза, проглотил чай, медленно пожевал.

- Вкусные пирожки. Дед смотрел на Ольгу.

- Ватрушки ешьте. Ольга откинула полотенце с блюда с пирожками. - Проша, бери ватрушки.

Бабуля встала, подошла к холодильнику, открыла, достала из холодильника двухлитровую банку с варением, закрыла холодильник, подошла к столу, поставила банку с варением на стол перед Прокопом.

- Апельсиновое, Оля варила. Бабуля села на свой стул. – Проша, бери варение, а то никто не ест, стоит с прошлого года.

- Спасибо, Бабуль.

Прокоп повернулся к блюду с пирожками, и пока выбирал ватрушку, Дед схватил первую попавшуюся ватрушку, открыл банку с вареньем, залез в банку столовой ложкой, почерпнул густого апельсинового варения, намазал на свою ватрушку.

Дед сидел с таким довольным выражением лица, так откусывал от ватрушки

Бабуля, Ольга и Прокоп заржали.

Бабуля смеялась, пирожок крошился в её руке и куски картошки из пирожка падали на стол и на подол бабулиного халата.

Дед жевал, смотрел колючими глазами то на Прокопа, то на Ольгу, съел ватрушку, запил чаем, сложил руки перед собой на столе, смотрел в экран телевизора.

Бабуля и Прокоп пили чай, Ольга рассказывала о своём сыне, о том, как он купил участок, как планировал сад, как выбирал дом, как жил несколько недель на участке в строительном вагончике, пока копал для дома котлован, устанавливал фундамент.

Дед поставил свою тарелку в раковину, ушёл в комнату, лег отдохнуть.

Бабуля слушала Ольгин рассказ.

Дед проснулся через час. Дед, не слова не говоря, рубашка, расстёгнутая до пупка, заправлена в брюки, прошёл в ванную, умылся, на кухне налил в свою кружку остывшей заварки, выпил, хромая, вышел на лоджию, взял две коробки, вынес из квартиры.

Ольга ушла переодеваться.

Бабуля мыла посуду.

Прокоп обулся, взял на лоджии оставшиеся коробки.

Прокоп с Ольгой вынесли к лифту приготовленные коробки и мешок.

Бабуля собирала еду, - наливала в банку суп, накладывала

в банку рис, собирала в полиэтиленовые пакеты пирожки, вареную картошку, вареные макароны, котлеты.

Прокоп с Ольгой спустились на лифте, вытащили коробки из лифта на площадку первого этажа, носили коробки к автомобилю.

Автомобиль стоял за домом, у деревьев, багажником к железной ограде гаражей, водительской дверь почти вплотную к единственной на автостоянке «ракушке», на двери которой была нарисована красная звезда, автомобиль стоял напротив угла дома, напротив

двери на лестницу.

Лестничная дверь была открыта, в дверь была видна законченная лестничная клетка.

Ветер дул вдоль улицы и сносил запах.

Солнце горело в миллиарде километров от нас, было жарко и душно.

Дед укладывал коробки в салон между сидениями и в багажник.

Одну коробку Дед поставил на крышу автомобиля, накинул на коробку верёвки.

- Пошли, покажу, что принесём. Дед, по красному лицу тёк пот, пот тёк по груди, по животу, Дед, хромая, выставив локти, ушёл к подъезду. Напротив угла дома Дед остановился, обернулся. – Прокопий, захлопни двери. Знаешь, как?

Ольга не остановилась, прошла мимо нас.

- Это сложно?

Дед поднял глаза на Прокопа, прищурился, всматривался сквозь стёкла очков.

- Сначала утопишь кнопки на дверях, потом захлопнешь все двери, кроме водительской. Водительскую закроешь на ключ. Дед достал из кармана брюк связку ключей, нашёл ключ от автомобиля. Связка ключей хрустела под пальцами Деда. Дед держал связку за ключ, держал ключ двумя пальцами за бороздки, протянул Прокопу. - Этим запрёшь дверь.

Связка ключей покачивалась, ключи сверкали на Солнце. Прокоп сжал связку ключей в кулаке. Ключи хрустнули. Дед отпустил ключ. Ключ упал, повис на пальце, холодный, сверкал на Солнце.

Дед повернулся, ушёл за угол дома.

Прокоп вернулся к автомобилю.

Древний, советской сборки, автомобиль «ГАЗ-24», весь в ржавых царапинах, потускневший, светло-светло-салатовый, тяжёлый, раскалённый, с горячими и душными сидениями в салоне, прижавшийся к асфальту, по-бойцовски выставивший из тени деревьев безпощадно исцарапанный капот, словно лазил по зарослям акации, выставил из-под тени деревьев, словно сушил ржавые царапины на исцарапанном капоте, на исцарапанном блестящем бампере, на исцарапанной сверкающей решётке радиатора, на исцарапанных подгнивших крыльях.

Прокоп утопил кнопки в дверях, захлопнул тёплые двери, захлопнул водительскую дверь, вставил ключ в замочную

скважину.

Ключ не поворачивался, замок не запирался.

Прокоп нажал сильнее, ключ согнулся.

- Прокоп, Дед где!?

Прокоп повернулся, поднял голову.

Бабуля стояла на балконе, кричала из открытого окна лоджии.

- В дом пошёл!

Бабуля ушла в квартиру.

Прокоп повернулся к автомобилю, повернул ключ в противоположную сторону.

Ключ не поворачивался.

Прокоп нажал сильнее, ключ изогнулся.

Прокоп выпрямил ключ, вынул ключ из замка, утопил кнопку, захлопнул водительскую дверь, дёрнул дверь за ручку, подёргал за ручки двери.

Автомобиль заперт.

Прокоп шёл мимо открытой лестничной двери, всматривался внутрь чёрной лестничной клетки. Под лестницей валялась куча обгоревшего тряпья. Пахнуло холодным запахом горелого мяса.

Тень дома такая же жаркая, как и ветер.

Прохладный подъезд, наполненный воздухом светло-светло-голубо-салатового цвета, светлее краски на стенах подъезда, прохладен и звонок.

Двери лифта открывались, и открывала вид на доски, ста-

рые межкомнатные двери, стены и полки разобранного шкафа, прислонённые к стене слева у лифта.

Прокоп вышел из лифта.

Мечта целого поколения неслась по коридору, собрала в кучу глаза, словно прицеливалась, двумя руками придерживала, выставила перед собой копьём, несла на плече стену от шкафа.

Фотоны летели мечте в спину, в спину мечте летели солнечные блики, пролетали, почти не задев, сквозь взлохмаченные волосы, разбивались-растекались по её бокам, по складкам майки, по потным рукам, целовали её мышцы на ногах, ловили момент, когда мышцы напрягались, вспыхивали светло-жёлтыми пятнами. Ей в спину летел еле заметный аромат цветущих цветов, стоявших перед окном в торце коридора. Большие пальцы на ногах растопыривались в стороны, показывая белую кожу между пальцами.

- Дед у мусоропровода.

- Там много?

- Остались коробки с банками. Холодный аромат сосновой смолы, перемешанный с фотонами, пронёсся мимо Прокопа.

Прокоп смотрел Ольге в спину. Прокоп смотрел на её майку, ожившую над напрягающимися мышцами. Прокоп смотрел на её попу, укрытую свободными шортами. Прокоп смотрел на её сказочно красивый изгиб спины над шортами.

Ольгины голые пятки нажимали на подошву босног, то

краснели, то белели.

Икры на ногах вспыхивали робкими, неказистыми сердечками.

Цвели цветы, стоявшие вокруг стола, на подоконнике, и мошки, жившие в цветочных горшках, ползали по раскрытым цветам. Мошки ползали по земле в горшках, по столу, на котором стояли цветочные горшки, мошки ползали по стенам, по стёклам в окне и по раме. Мошки сверкали на Солнце, мошки темнели на Солнце, мошки запутывались в паутине, и пауки запутывали мошек паутиной, уносили мошек в свои углы.

Дед стоял на старом стуле, заляпанном белой и синей краской, положил руки на верхнюю коробку, навалился грудью на коробку, смотрел сверху из-под оправы очков.

- Долго тебя ждать?

Прокоп подошёл к Деду.

- Давай ключи. Дед протянул свою огромную руку.

Прокоп вытащил из кармана шорт связку ключей, поднимал руку вверх.

Дед, не дождавшись, когда Прокоп разожму кулак, схватил меня за кисть, сгрёб связку ключей, сунул ключи в карман брюк.

Дед пошевелился, отстранился от коробки, пошевелил коробку.

- Давай, бери. Неси к лифту.

Дед пододвинул коробку к краю стопки.

Коробка накренилась, Дед придерживал коробку, я поднял руки, Дед отпустил коробку, и коробка упала вниз.

Коробка упала вниз углом, скребла по стопке коробок ребром.

В коробке звякнули банки, когда Прокоп поймал коробку.

Ольга и Прокоп носили к лифту коробки с банками.

Мошки летали около цветов, мошки следовали за Прокопом и Ольгой, но не одна из мошек не долетела к лифту. Мошки, отдохнув на стене коридора, возвращались к цветам, к Солнцу, к оконному стеклу.

Две последние коробки Дед отнёс сам.

Дед вышел в коридор с коробками в руках. Биг Бэнг сверкнул в стёклах очков, ударная волна пронеслась по оправе сгустком солнечной плазмы. Дед, хромая, шёл нам навстречу по длинному, солнечному прямоугольному пятну на кафельном полу. Свет пробивался под его руками, свет разбивался о его бритую, лысую, потную голову, свет подталкивал тонкими лучами капли пота, стекавшие по его голове, свет рассеивался вокруг Деда, висел вокруг Деда стеклянным перезвоном пустых трёхлитровых банок.

- Всё. Вызывай лифт.

Ольга вызвала лифт.

Дед поставил коробки на стопку коробок, отошёл на шаг от стопки, отставил в сторону ногу. Дед снял очки, вытер стёкла рубашкой, надел очки.

По лбу Деда тёк пот. Капли пота продирались сквозь бро-

ви, Дед вытирал брови рукавом рубашки, капли пота текли по вискам на шею, по носу на щёки, по щекам под подбородок. Дед вытирал щёки рукавом рубашки. По шее Деда, по груди, хватаясь за каждый волосок, собирая остановившиеся и маленькие капли, двигалась капля пота.

- Грузим всё в лифт. Я иду к машине, Ольга выгружает из лифта, ты носишь. Когда Ольга выгрузит, носит вместе с тобой.

Мы погрузили коробки и доски в грузовой лифт.

Дед повернулся лицом к закрытым дверям лифта.

Ольга стояла спиной к доскам, спиной к коробкам, опустила глаза, смотрела на мои ноги.

Ольга красива. Ольгина фигура не идеальна. Ольгина фигура и Ольгино лицо неуловимо не пропорциональны. Ольгу можно рассматривать и рассматривать, позабыв о времени.

Ольга, не поднимая глаз, улыбнулась, подняла глаза.

Дед отодвинул Ольгу внешней стороной кисти.

Ольга отшагнула, прижалась к Прокопу плечом.

Дед поднял две коробки с банками, в дверях лифта глянул на Прокопа через плечо.

- Сначала двери, потом доски.

Дед, хромая на правую ногу вышел из лифта, повернул за угол лестничной площадки первого этажа.

Ольга переступила через коробки, убирала стены шкафа, наваленные на межкомнатные двери.

Вихрь, родившись внутри Прокопа, в середине живота,

прохладный, ласковый, крутился внутри, рос в стороны, - тонкая ножка вниз, вниз, вниз живота, вниз, давила тонкой крутящейся ножкой на жилу, вихрь рос вверх, вверх расширяясь, окутывал голову прохладной вращающейся воронкой. Прокоп смотрел на Ольгу и видел её спину, изгиб спины, её расставленные ноги, напрягшиеся икры, смотрел на Ольгу и видел, чувствовал, что между её ногами, чувствовал всей набухшей жилой.

Сердце не стучало, не бухало, сердце крутилось вместе с вихрем, прохладное, приятное, словно растекалось по вихрю, заполняло вихрь и всё, в чём крутилось сердце приятным прохладным вихрем, сердце заполняло всё вздрагиванием.

Ольга повернулась к Прокопу, держала в руках межкомнатную дверь, ткнула Прокопу в лицо свои пальцы с побелевшими ногтями, сжимавшие край двери.

Прокоп положил свои ладони на Ольгины руки, сжал-прижал к двери.

Ольга вытащила свои руки из-под его ладоней.

Прокоп стоял, держал дверь, поднял голову к потолку лифта.

Ольга грохнула об пол лифта второй дверью.

- Племянник! Очнись!

Прокоп вынес дверь из лифта, задел дверью за звякнувшие коробки с банками, выставленные на площадку первого этажа.

Вихрь внутри Прокопа достал своей прохладной, шатаю-

щейся ногой до пространства G7, и внутри вихря, почти в самом низу ноги, там, где вихрь объединился с вершиной вихря, поднявшегося навстречу из пространства G7, внизу, вспыхнула звезда, - белый гигант.

Внутри стало светло и легко, внутри стало прохладно, а верх вихря поднялся в пространство G7, затягивал, тянул в лифт, из которого вышла Ольга со второй дверью, поставила дверь к стене у лифта.

Прокоп не видел, как Ольга выходила из лифта и ставила дверь к стене. Прокоп вышел из подъезда во двор дома, в длинную, прозрачную тень, такую же горячую, как и воздух.

Городской человек, отвлечённый от внешнего мира наблюдением за жизнью теней в своём чуланчике, стараясь отличить свою природу от тени, отметить свою природу некоторым знаком, через некоторое время, натаскав в чуланчик игрушек, еды, показывая теням внешний мир сквозь небольшое окно, которое открывал ненадолго, проветривая чуланчик, городской человек настолько привык к теням, что начал считать тени внутри своего чуланчика самым собой, начинал относиться к теням, как к свои родным детям, забыв о том, что и понятия не имеет о том, откуда тени появились в его чистом, пустом, небольшом, но с такой любовью построенном чуланчике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.